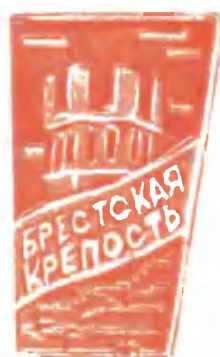
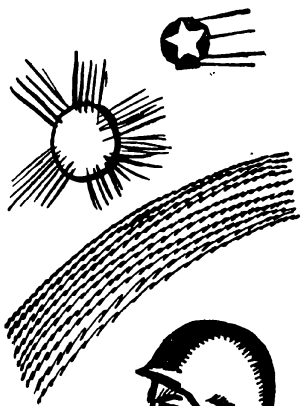

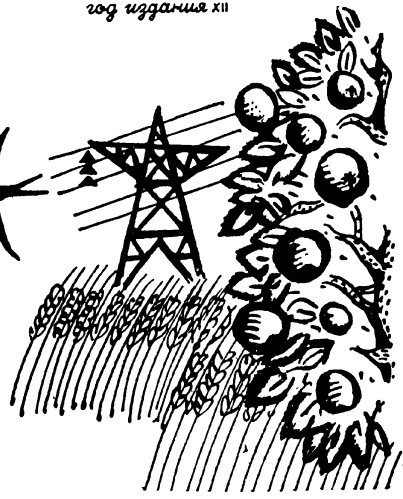
Искорка

газеты
«великие
искры» —
орган
Ленинградского
Обкома и
Бюро ЦК
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

ФЕВРАЛЬ • 1968
год издания XII

Иван ДЕМЬЯНОВ

* * *

На Отчизну лезла вражья сила—
Без войны нельзя прожить
нам было...
А теперь,
когда пылает небо
И струится солнечным огнём —
Без воды прожить нельзя,
без хлеба!..
Без войны —
до смерти проживём!
Но война хранит под тентом
пушки,
И лютует зло у ней в груди...
Потому —
держи войну
на мушке —
Глаз ни днём,
ни ночью
не своди!

Рис. Ю. Бочкарёва

Л. ШЕСТАКОВ

Весть

Рисунки Ю. Шабанова

АЛЁША — человек покладистый. Раз велели ходить к Витьке Моргунову помогать по арифметике, значит, надо ходить. Прибежит он из школы, перекусит — и к бабушке:

— Я к Вите. Ладно?

Бабушка не препятствует. Выходит, не мякина у парня в голове, если его определили всё равно как учителем при однокласснике! Отпустит, а сама ещё украдкой полюбуется в окошко, как он идёт деревенской улицей в новеньких сапогах, с портфельчиком. Этаким коренастенький мужичок!

А Витька — парень себе на уме. Не приди к нему Алёша Рябинин, так он и не сядет за уроки, выдумает дело полегче. На выдумки-то он, считай, в классе первый. Прозвище ли придумать, обмануть ли — это Витька умеет.

Первое время было ещё так-сяк. Витька хоть и без охоты, но пытался вникать в задачи, разбираться, что к чему. А это трудно, ему бы как-нибудь полегче. И придумал! Свесит голову над тетрадью, а сам косит глазом на товарища, ждёт, пока Алёша решит.

— Во дьявол! — в нужный момент вступает Витька, хмуря свои светлые бровки. — Заковыристая! — А сам уже отодвигается, знает, что сейчас подсядет Алёша и тогда только успевай записывать, можно и не вникать.

Приходит как-то раз Алёша, а у Витьки весь пол в стружках. Согнулся, прикусил язык, в коленях

берёзовую чурку держит — что-то вырезает.

— Автомат!..

— Ага, автомат! — подмигнул Витька. — Видишь — приклад, а это диск. Ствол будет в кобзухе, как у настоящего, а шейка — рубчатая, чтоб не скользила. Ну как?

— Хор-роший автомат! — позаиводовал Алёша. — И большой, почти как всамделишный... А ствол просверлить, и тогда из него — горохом!.. Верно, Вить?

— Можно и дробинкой, — снисходительно усмехнулся Витька. — Горошиной-то и воробья не убить. Понял? Потому что лёгкая...

Помолчали. Алёша покосился на ходики. Витька перехватил этот взгляд:

— Торопишься?

— Да нет... Вот только уроки...

— А ты садись, делай. — Витька распрямил спину, с наслаждением потянулся, глянул с хитринкой на Алёшу и, помедлив, спросил:

— Хочешь, он будет наш общий?

— Кто?

— Ну, автомат.

— Как общий? — не понял Алёша. — Он же твой.

Витька смерил глазами недогадливого одноклассника, пояснил:

— Конечно, мой. Но я могу тебе продать... половину. Понял? Например, один день он у меня, а завтра у тебя. Стреляй хоть воробьёв, хоть голубей.

— Продать? — удивился Алёша. — У меня и денег нет. Да и не хочу я по голубям...

— Вот непонятливый! — досадливо тряхнул Витька светлой челочкой. — Я разве за деньги продаю, голова?

— А за что же?

— За так! — отрезал Витька. — Задачи ты всё равно решаешь для себя. Верно?

— Верно.

— А я буду скатывать. Тебе-то ведь без убытка. Ну, в школе когда подскажешь...

Алёша попятился.

— Мало тебе половины? — рас-

палился Витька. — Забирай весь! Твой будет... Дашь иногда пострелять, а так — твой. Идёт?

Крутнувшись на табуретке, Витька глянул на дверь, опасаясь, как бы мать не услышала из кухни этого разговора. Потом устался на Алёшу бесстыжими прижмуренными глазами. Ни дать ни взять, нашкодивший воробей: храбрится, а сам распоследний трус.

Алёшу как кипятком ошпарило. Стоит столбом, обалдело глядит на Витьку и словно его не узнаёт:

— Т-ты что, спятил? Вот скажу Тамаре Николаевне...

— Так она и поверила! — нагло сощурился Витька. — Я первый скажу: Алёшка, мол, задарма помогать не хочет, автомат требует.

— Я? Автомат? Это ж брехня.

— Наплевать, что брехня! А мне поверят.

— Тебе?

— Мне!

— А может, мне.

Витька смерил Алёшу глазами от макушки до пяток и, подумав, решительно объявил:

— Рябиным веры нет, у кого хочешь спроси.

— А Моргуновым?

— Дурачок! — фыркнул Витька. — Моргуновы разве вам чета? Мой дед с войны медаль принёс, «За отвагу» называется. А твой — без вести пропавший. Без-вести! — растянул Витька.

— Ну и что?

— А то, что неизвестно, как он там воевал и куда делся. Может, он трус...

Алёша ударил тычком, без размаха. И ещё тычком! А потом кинулся уже на лежащего, боднул в подбородок. Загремела поваленная табуретка, как резаный завизжал Витька.

— Очумели! — вбежала из кухни Витькина мать. — Петухи! Вот я вас сейчас обоих...

Кое-как растолкала драчунов по углам, сама стала в середине. Алёша, наклонясь, сметал ладошкой прилипшие к штанам стружки. Левое ухо его горело малиновым огнём. Витька поглядывал исподлобья то на мать, то на противника, время от времени прикладывая ладонь к нижней губе.

— Это вы так задачки решаете? На кулаках? — начала допрос Витькина мать.

Витька потупился, опустил голову. Под глазом у него начал вспухать синяк. Алёша, наоборот, выпрямился, глянул с вызовом:

— Я его ещё не так прибью!

— Прибьёшь? — с раздражением спросила Витькина мать. — А что он такого сделал?

— Сделал! Он знает... Нечего на деда Семёна наговаривать. «Мой воевал... медаль... а твой без вести... Рябины такие-сякие...»

Мать молча выслушала, потом прищурилась, точь-в-точь как сынок, и говорит:

— Так это, милый, не Витей придумано. Идёт шепоток по деревне, никуда не деться. На каждый роток не накинешь платок...

Дальше Алёша не слушал. Пулей он вылетел из Витькиной избы, кинулся куда глаза глядят. Уже на бегу вспомнил, что забыл

портфель и форменную фуражку. Но не вернулся. Даже не остановился. Задворками, задворками... Ноги вынесли его за деревню, к берегу речки, густо поросшему ольшаником и лозняком.

Летом он приходил сюда часто. С тем же Витькой, с другими ребятами. Купались, рыбачили, баловались. Случалось и поссориться, даже подраться. Но никогда ещё Алёша не слышал таких попреков, как сегодня.

Он и не подозревал про «шепоток». Ему даже в голову не могло прийти, что дед Семён, которого Алёша и не знал вовсе, и ни разу не видел, может иметь какое-то значение в его жизни.

Оказывается, может. Ещё как! Да зайкнись Витька об этом снова, он измолотит его где угодно, хоть в школе. Пускай потом исключают! А что? Другие воевали, так и дед Семён не дома сидел. И не вернулся, как многие... Правда, у Витьки доказательство — медаль, у Сашки Афоницева — похоронная «пал смертью храбрых»...

«У бабки, что ли, порасспросить, как это «без вести», — подумал Алёша. — Нет, нельзя. Ни ни у бабки спрашивать! А то ещё догадается про «шепоток». И про Витьку молчок, про то, что подрались. Вот только без картуза как же? И без портфеля...»

Крадучись, Алёша подходил к своей избе, обдумывал, как бы прошмыгнуть незаметно. В окошко, что ли, потихонечку, пока ещё окна не заклеены?

Но ему повезло! бабка куда-то ушла, как видно — ненадолго, дверь в сенцы была подперта колышком.

Алёша послонялся по кухне, заглянул в печь, отодвинув заслонку, но раздумал доставать еду, — решил подождать бабушку.

Они так и жили вдвоём. Отец работал на карьере экскаваторщиком, там и квартировал. Лишь по субботам навещался домой. Иногда приносил гостинцы, случалось — покупал журналы или

книжки. А матери у Алёши не было.

Пораскинул Алёша, куда б могла подеваться бабка, и вдруг встревожился. Ну как пошла к Моргуновым! Там на него сразу нажалуются. Как же? Их любимому Витеньке по шее надавал... Чего доброго, ещё наемкнут про деда. Этого не хватало!

Уже стало смеркаться, когда скрипнула дверь. Алёша швырнул на подоконник раскрытый «Огонёк», выбежал в кухню.

— Заждался, поди. Голодный? — засуетилась бабка. — А я по делу к Афоницевым. Скроили по выкройке платье для Анюты, а сметать не знают как. Уж они и так и эдак прикладывали — не подходит. Ну, прислали Анюту за мной: «Выручай, бабка Алёна, мы, кажется, материю не так разрезали!» Оказалось, всё правильно. И дело-то в пустяке.

Алёша лениво хлебал щи, слушал вполуха бабкины новости, а у самого в голове, как заноза, картуз да портфель. На сегодня-то сошло, а завтра? Разве что Витька в школу принесёт... Так это когда будет, а утром-то, утром?

Хлебал он щи и не догадывался, что картуз и портфель сами к нему идут. Что не завтра, а ещё сегодня обо всём станет известно бабке Алёне.

Звякнула щеколда. На пороге — дед Захар Моргунов! В одной руке форменная ученическая фуражка, в другой портфель. Снял у порога кепку:

— Добрый вечер! Приятного аппетита!

— Спасибо! Кушать с нами, Захар Ермолаич! — церемонно пригласила бабушка.

— Кушать-то?.. А что ж, не откажусь! — неожиданно согласился дед Захар. — Тем более что разговор есть сурьезный.

Приметив в углу табуретку, Захар положил на неё портфель, сверху — фуражку, а свою кепку повесил на гвоздь. Зардевшийся Алёша кинулся в комнату за стулом для деда Захара.

— Что за разговор? — поинтересовалась бабка, ставя перед Захаром тарелку щей. — Напугал ты меня, Ермолаич, — кивнула она на портфель и фуражку.

— Напугал, говоришь? — помедлив, ответил Захар. — Я сам напугался — больше некуда. Одним словом, подрались наши младшенькие! Твой моего балабона разделал — хоть на выставку!

Бабка нахмурилась, грозно повернулась к Алёше.

— Сиди! — тронул её за плечо дед Захар. — Я ведь зачем пришёл? Прощения у тебя просить за внука своего. Попало-то ему за дело, как я потом дознался. И дело не пустяковое. Сама знаешь, мы с Семёном твоим и посейчас дружили бы, если б не распроклятая война. Ведь и росли, считай, вместе. Уж он-то бы меня в обиду не дал. А я вот... — Захар вздохнул. — Ну, не я, так это же одно, считай. Витька-то из моего гнезда ведётся...

Бабка Алёна глянула на Захара какими-то виноватыми глазами, будто стыдась.

— Что-то я не пойму, Ермолаич, ты всё вокруг да около...

— А если не вокруг, тогда Алёшку спроси, — сурово проговорил Захар. — У меня язык не поворачивается. Скажи, Алексей, за что ты нашего Витьку?

Дело обернулось для Алёши из рук вон. Выходит, ему же и говорить про «шепоток». Ну, нет!

— Из-за автомата мы, — выдавил из себя Алёша. — Витька хотел, чтобы общий, а я отказался...

— Это сперва. А потом? — подсказал дед Захар.

— А потом мы сцепились... Тётка Пелагея кричит: «Петухи!» И растолкала нас...

Захар усмехнулся, одобрительно глянул на Алёшу:

— Жалеет! Ну и правильно. Видно, уж мне приходится. Никуда не деться. Так слушай, Алёна Тимофеевна. Витька ему знает что? У моего, говорит, деда с войной медаль, а твой без вести... По-

тому, мол, и веры вам нет, Рябининым.

Бабка вздрогнула, как от удара. Уронила лицо в ладони — и ни слова. Только голова всё ниже и ниже клонится.

— Ну, что ты, баб... Ну, не надо... — обхватил её Алёша за плечи. — Я ему знаешь как врезал!

— Правильно врезал! — подхватил Захар. — А ты, Тимофеевна, не стыдись, твоей вины тут нет. Я б и не пошёл к тебе с этим, не стал бы растравлять твою боль по Семёну. Так другие скажут! Да ещё сумеют ли? Это ведь тоже... не гвоздь забить.

— Пустое! — махнула бабка рукой. — Хоть говори, хоть не говори, с души разве снимешь камень...

— И сниму! — подхватил Захар. — Сколько ж его носить? Семёна нет — это ты знай. А что не нашли его среди погибших, в том уж не его вина. Кому было искать? Там же такая шла молотьба... Вдоволь навиделся.

— Не об том речь, — печально произнесла бабка Алёна. — Я-то знаю, что погиб, мне не надо доказывать. А вот он, к примеру, не знает, — кивнула она на Алёшу. — Что ж ему — кулаками так и разговаривать? Уж, видно, такая наша судьбина — бедовать. Ведь с того света весточки от Семёна не дождёшься. Спасибо тебе, Захар, за доброту. Хоть душу отвела, поговорила. Я ведь про это всё молчу. Думаю, а сама молчу.

Алёша слушал этот разговор и дивился: как это он раньше не догадался, о чём молчит бабушка! Ещё и привередничал порой.

ЖИЗНЬ пошла дальше своим чередом. Алёша бегал в школу, бабка хлопотала по дому. Как и раньше. Вот разве только одно изменилось. Заметила бабка, что посуровел Алёша. Бродя бы хочет поговорить, да не смеет. Поглядывает как-то вопросительно. А может, это ей показалось.

Прошла зима. Весной бабке хло-

пот прибавилось — огород. Одной-то управиться — только поспевай. А тут помощник объявился — Алёша. Он и с топором, и с лопатой, и с граблями. Раньше этого не было.

Копаются они однажды, брюквенную рассадку высаживают. Вдруг откуда-то голос:

— Бабушка Алёна, письмо! Папка из сельсовета принёс.

Подняли глаза, а это Анюта Афоничева. Держит в руке конверт.

— Письмо? — удивилась бабушка. — От кого бы?

Алёша пожал плечами. Потом подбежал к заборчику, взял у Анюты письмо, глянул на адрес.

— Написано «Рябининым»! — кричит. — Наверно, это тебе, баб. Не мне же!

Подошла бабушка, тоже повертела письмо. Голубенький такой конвертик.

— Ну вот, а у меня и очков нет. Давай шабашить, Алёша. Дома прочитаем. Спасибо тебе, Анютка!

К вечеру разнеслось по деревне: «Письмо бабке Алёне про Семёна! Погиб аж под Мурманском. Геройски! Пионеры могилу рыскали... И медальон смертный. Всё честь честву!»

Разумеется, соседи собрались. Дед Захар прибежал:

— Что я тебе, Алёна, говорил! Выходит, Семён с того света весть об себе подал. А как же они дознались, детишки? Письмо-то где?

Бабка Алёна уголком платка глаза сушит. Волнуется. Но смотрит куда бодрее, чем раньше.

— Письма-то не могу показать, — отвечает. — Послала его с Алёшей на карьер, чтоб Фёдор почитал.

— Правильно! А как же? Должен про отца узнать. А тебе, Алёна, теперь ехать. В аккурат весна подошла.

— Поеду! — призналась бабка. — Не близкий это свет, да что ж поделывать. Вот отойдут Алёшины школьные занятия, с ним и тронемся.

— Так, так, — согласно закивала Вера Афоничева, Анютина мать. — Это уж бесспорно. И Алёшке не без пользы. Пускай вникает... А письмо-то от кого? Учитель написал или как?

— Сами и пишут ребятишки! — улыбнулась растроганная бабка. — Уважительно так. Мол, не знаем, кто там из вас, Рябининых, на свете есть... Это они на то намекают, что меня уже, может, и в живых нету. Для них ведь война бог весть как давно была... Зовут к себе, и адрес какой-то Зины Конопля указан. Она, вишь, первая натолкнулась на документы Семёна и ещё других погибших. Не знаю, что там за Конопля такая, а, верите, так её повидать хочется, просто сил нет.

КОНОПЛЯ оказалась пятиклассницей. Светленькая коса, жидковатая, правда. Зато глазички — по пятачку! Чёрные, с длинными ресницами. Серьёзные глаза, внимательные. Ну, ещё, понятно, веснушек горстка брошена возле курносенького носа. Не густо, а скорее для украшения.

Она сидела за роялем в уютной комнате небольшого домика на окраине города. Играла «Бабочку» композитора Грига. Вдруг слышит, кто-то остановился у открытого окна. Выглянула — какие-то стоят незнакомые.

— Где тут Зина Конопля живёт? — спросил Алёша.

Повела чернющими глазами, брови взлетели, потом сблизились: — А вы не Рябинины?

— Рябинины, — отвечает бабушка, любясь девчонкой.

— Так это ко мне! — И отбежала от окна.

Зина привела гостей в дом, помогла Алёше снять тяжёлый рюкзак, показала, где умыться с дороги.

— Папа и мама на работе, — сообщила приветливая Зина, — так что вы уж сами тут... А я сейчас

ребят приведу. Мигом! — И убежала, тоненькая, в голубоватом облянялом платице.

Вернулась она с целой ватагой. Алёша не сразу и запомнил всех по именам.

Предводителем у них был Костя Пшеничников. Рыженький такой, с виду застенчивый. Но обстоятельный и деловой.

— ...Зинушка снаряд раскопала, — поведал Костя. — А в нём документы и вот эта записка. — Он порывлся в своём обшарпанном портфеле, — подал Алёше сложенный вчетверо листок.

«Живыми нам не быть, но биться будем до последнего, — вслух прочитал Алёша. — Документы кладем в артиллерийский стакан, чтоб врагу не достались. Люди, живите счастливо. Сержант Подобедов».

После паузы Костя рассказал:

— Полистали мы документы — партийный билет на имя Богатырёва, два комсомольских билета, солдатские книжки — и подумали: «А вдруг не погибли! Может, всё-таки отбились». Написали в Смоленскую область на имя сержанта Подобедова как старшего

по званию. А он нам в ответ письмо. Жив оказался! Единственный! Через фашистский плен прошёл, а жив! Его взрывом бомбы в сторону отбросило. Да вот его письмо.

Бабушка нацепила очки, Алёша подсел к ней на диван, а следопыты примолкли. Некоторые на цыпочках вышли за дверь.

Страшную историю рассказало письмо сержанта Подобедова. Фашистам удалось отсечь наш артиллерийский расчёт с орудием и оккупировать его с трёх сторон. Оставался лишь один путь к своим — через болото. Но этим путём пушку на себе не протащишь. Да и кому тащить? В живых было лишь четверо раненых артиллеристов. Оставалось одно — биться. Тогда и пришлось сержанту в голову сохранить хотя бы документы. Он взял свежую, ещё горячую, гильзу от снаряда, дунул в неё и приказал: «Сдать документы!»

Живые сдали, а у мёртвых он сам забрал. Запихал в гильзу, горловину забил резиновым каблуком от сапога и зарыл поблизости — у приметного островерхого камня. «Может, найдут люди», — подумал.

Улучив минуту, артиллеристы оттащили погибших товарищей в ровик, вырытый для хранения снарядов. Он всё равно был пустой: остаток боезапаса находился теперь при орудии — всего шесть снарядов.

Вражеские танки рискнули было с ходу раздавить советскую пушку, да не тут-то было! Один загорелся, остальные сползли в низинку. Они повторили атаку — и потеряли ещё танк.

Тогда обработали артиллерийскую позицию из миномётов. Но всё-таки из четырёх героев двое ещё были живы — командир орудия сержант Подобедов да наводчик Семён Рябинин.

Воздух заполнили самолёты с крестами. Подобедова отшвырнуло взрывом, ударило об землю. Но сознание не сразу покинуло его. Он лежал на взгорке с оторванной напрочь правой рукой и видел

ещё, как Рябинин схватил гранату и, откинув замок уже бесполезного, оставшегося без снарядов орудия, сунул её в казённый, а сам отвалился, пополз к ровику. Дымок — и пушка уже никогда не сделает выстрела. Убита!

«Он был лишь в натальной рубашке, с перебитой, обмотанной гимнастёркой, ногой, но живой и грозный, — гласило письмо. — Когда снова пошли танки, Рябинин стоял в ровике на телах павших товарищей. Неизвестно, о чём он думал в свой смертный час, но смотрел вперёд, на врага. В туче пыли летел на него танк. Конец? Нет, ещё можно подложить гранату! Рябинин так и сделал. Вот когда конец! Танк крутнулся с разгона на одной гусенице и засыпал мёртвых землей...»

Алёша читал письмо и плакал, не стыдясь слёз. От гордости. Ведь это же его дед! А бабушка Алёна охватила лицо ладонями и сидела на диване как каменная. Уж кому, как не ей, было знать своего покойного мужа. А вот узнала только сейчас!..

— Мы твоего деда фамилию первой на том камне высекли, под которым документы нашли, — негромко сказал Костя Пшеничников. — Были там и постарше годами, например Павел Богатырёв. Но он не наводчик. А наводчик в артиллерийском расчёте первым номером числится. Это уж такой порядок.

— Спасибо за уважение! — ответила за Алёшу бабушка, отняв руки от побледневшего лица. — А как же вы, ребята, те документы нашли? Ведь это далеко отсюда.

Зина присела на краешек дивана, расправила на плече у бабки свисавший с головы чёрный платок, объяснила:

— Ну, это просто. Была у нас экскурсия по местам боёв. Многие там ребята находили: осколки, ржавые штыки, каски железные. А я случайно копнула палочкой песок возле камня — что-то зелё-

ное показалось. Тут ребята набежали. Оказывается, это снаряд...

— Не так уж случайно копнула, — поправил Костя. — Она у нас дотошная — под землёй видит.

Зина чуть порозовела от похвалы, застенчиво опустила глаза.

Ранним утром следующего дня выехали с первым автобусом. У Алёши за спиной толстый, рогатый рюкзак, бабка Алёна — с эмалированным бидончиком, а у Зины в руках небольшая лопата. Лишь Костя Пшеничников налегке — ремешок через плечо, на нём фотоаппарат болтается.

Часа два езды, а дальше пешком. Местность унылая — низина заболоченная и по ней громадные валуны раскиданы. Тропочкой, тропочкой... На взгорок поднялись. Наконец Костя оглянулся:

— Видите вон тот камень? Здесь!

Могила прилепилась к самому валуну. Ухоженная! Дёрном обложена, цветы по ветру головки клонят. А на камне зубилом имена и фамилии выбиты в столбик. Чтобы легче было читать, каждая буква чёрной краской покрашена. Далеко видать!

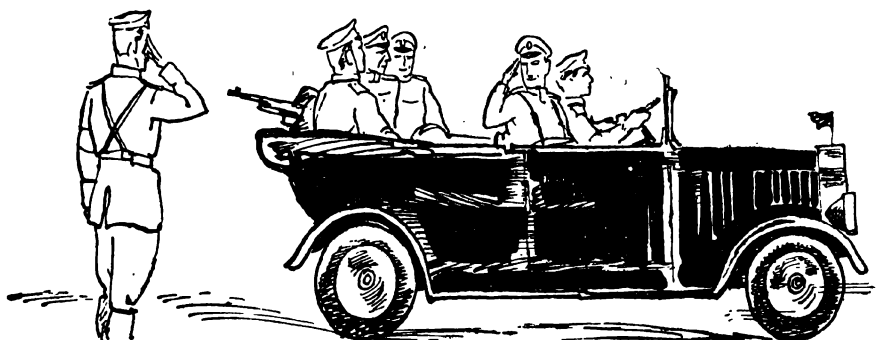
Скинув рюкзак, Алёша огляделся. Потом взял у Зины лопату, ямку выкопал.

Из рюкзака достали фанерный ящик, открыли. На дне — толстый кусок дёрна, а из него три листика на тоненьком-тоненьком стебельке растут. Берёзка!

Алёша перенёс её вместе с дёрном, осторожно опустил в ямку. Бабушка полила из бидона.

Расти, рязанская берёзка! Шуми ветвями над героями!

„САМОВАРЧИК“

У комдива 24 всё по-особому.

Его дивизии за мужество и доблесть присвоили имя «Железной».

Сам комдив был под стать своим легендарным полкам: беспредельно храбр, быстр и находчив.

И звали комдива 24 коротко и весело: Гай. Правда, настоящая фамилия комдива была менее благозвучна: Бжишкян. Комдив смеялся, что, конечно, все русские всегда произносят не «Бжишкян», а непременно «Бежешкян», а «бежешкян» по-армянски значит: серый осёл. И потому комдиву 24 понравилось, когда кто-то первый назвал его не по фамилии, а по имени — «Гая», переделав это армянское слово на более близкое русскому уху — Гай. Это короткое, броское прозвище так и осталось за Гая Дмитриевичем навсегда.

Все комдивы обычно ездили верхом, а комдив 24 предпочитал автомобиль. У Гая была небольшая, выкрашенная в красный цвет машина. Красноармейцы прозвали её «самоварчиком», потому что в радиаторе всегда кипела вода и из него шёл пар...

Молодой, бедовый шофёр Шурка-москвич готов был лучше целый день стрелять из карабина по белякам, чем хоть час возиться с неисправным, капризным мотором.

Кроме Гая и шофёра в «самоварчике» сидели у ручного пулемёта «люис» двое: симбирец Титаев и витебец Якимчук. Оба из батраков, оба громадного роста и оба — необычайной силы. Гай шутил, что если «самоварчик» вдруг застрянет где-нибудь в бездорожье, то его ординарцы-пулемётчики без всякой посторонней помощи вытащат автомобиль.

Оба они были отменные, меткие стрелки. И только в одном белорус Якимчук отличался от волжанина Титае-

ва: Якимчук был совершенно глух. Он не слышал никаких выстрелов, и, если недалеко разрывался снаряд и обдавал его комьями земли, Якимчук только тогда удивлённо оглядывался и спрашивал у товарищей:

— Рабяты, што ето? Страляють?

Однажды рота Витебского полка, где служил Якимчук, вышла к железнодорожному разъезду, на котором стояли паровоз и несколько теплушек белых. Не подозревая, что в вагонах могут оказаться белые, и не слыша предостерегающих окриков товарищей, Якимчук стукнул прикладом в дверь теплушки и весело заорал:

— Товарищи, дайте закурить!

Тут белогвардейцы заметили опасность, и паровоз, вмиг окутавшийся облаком пара, рванул с места. А из теплушек на платформу посыпались пули. Якимчук каким-то чудом остался невредим.

— Чего это он так шпарко рванул с места? — удивлённо допытывался у товарищей глухой Якимчук.

Комдив Гай, узнав об этом случае, взял Якимчука к себе на «самоварчик».

— Это мои храбцы! — говорил Гай, глядя на двух своих могучих ординарцев-пулемётчиков. У комдива 24 «храбцы» (храбрецы) было любимым словом и лучшей похвалой.

...В этот день левый фланг 24-й дивизии успешно провёл бой с белыми. Белые наступали на деревню Ивановку, которую занимал 1-й Симбирский полк. Комдив Гай оказался здесь же, на левом фланге.

Как всегда после боя, ординарец Титаев подобрал оторванные белогвардейские погоны, несколько фуражек с офицерскими кокардами. Ему попались даже полковничьи погоны — видимо, командира батальона ударников. Титаев передал трофеи шофёру Щурке, чтобы он спрятал под сиденье машины, — авось пригодятся.

Когда каппелевцы отошли, комдив поехал на правый фланг дивизии посмотреть, как обстоят дела там. На правом фланге, где стоял 2-й Симбирский полк, белые не проявляли активности. Побыв некоторое время во 2-м Симбирском, комдив поехал назад в деревню Ивановку. Подъезжая к ней, Гай и его «храбцы» обратили внимание на то, что Ивановка словно вымерла. Не слышалось красноармейской гармошки и песен. И нигде не было видно признаков 1-го Симбирского полка. Обычно свободные от караулов бойцы помогали жителям деревни в поле и на огородах. А тут стояла загадочная, тревожная тишина.

— Может, наши отступили, пока мы ездили на правый фланг? — высказал резонное предположение шофёр.

Комдив велел остановить машину.

— Давай сюда офицерские фуражки и погоны, — приказал он шофёру. — Если в Ивановке ещё стоят наши, они всё равно признают «самоварчик», а если беляки, то мы сойдём за белых!

Все надели приметные белогвардейские фуражки, нацепили погоны.

Гая и в самом деле можно было принять за молодого, выслужившегося полковника. Правильные черты его лица, большие карие глаза резко выделялись на фоне курносых крестьянских лиц ординарцев. Гай был сыном учителя, учился в гимназии, а во время войны с немцами его за храбрость произвели из нижнего чина в офицеры. И потому Гай умел держать себя, как полагается старорежимному офицеру.

— Жми, Шура! Проедем через всю деревню до околицы. Посмотрим, что тут делается! — уверенно сказал Гай. И «самоварчик» смело помчался в Ивановку.

На улице деревни не было никаких солдат — ни красных, ни белых. Только из окон большого дома кабатчика, стоявшего на площади, неслись чьи-то пьяные голоса. И встречные жители как-то удивлённо оглядывались на знакомый им «самоварчик» комдива. Гай хотел было остановиться на секунду и спросить у кого-либо, в чём дело, но передумал, — уже было всё ясно: 1-й Симбирский ушёл из Ивановки...

Вот и последние дома деревни. И тут все увидели, что у крайних домов деревни стоит каппелевский пост — двое вооружённых винтовками военных. Ошибки быть не могло, — это белые: у каждого из них на левом рукаве виднелась белая повязка.

— Спокойно, храбцы! — решительно сказал Гай.

А молодые офицеры-ударники уже взяли винтовки наперевес, преграждая дорогу. И один из них, видимо старший, крикнул издали:

— Стой! Кто едет? Пропуск!

Гай встал в машине во весь рост, зычно и бодро ответил:

— Господа, мы — свои. Я полковник дивизиона артиллерии. А вы из какого же батальона, молодцы?

Офицеры опустили винтовки к ноге, и старший, козыряя, почтительно доложил:

— Самарского ударного, ваше высокоблагородие!

— А-а, капитана Назарова? — удовлетворённо протянул Гай. (От разведчиков комдив 24 знал на своём участке фамилии всех вражеских командиров.)

— Так точно, ваше высокоблагородие, Назарова! —

уже спокойнее ответил офицер. Но второй подозрительно косился на красный флажок, который трепыхался на радиаторе «самоварчика».

«Эх, чёрт! Забыли снять!» — пронеслось в голове у Гая.

— Не обращайтесь внимания, господа, — указал Гай на флажок. — Мы нарочно нацепили его, чтобы обмануть красных. И куда же отошли эти «красненькие»?

— Вон в том направлении, ваше высокоблагородие, — указал рукой старший.

— Давно?

— Никак нет. Примерно около часу. Наш передовой дозор вошёл в деревню полчаса назад... Командир дозора поручик Чернозуб послал нас сюда, а сам с остальными офицерами задержался у кабатчика. Прикажете вызвать поручика?

— Нет, господа, не надо! — спокойным тоном ответил Гай. — Мы уже видались — я заезжал к поручику и упредил... По приказу генерала Каппеля мне надо выяснить состояние дорог и мостов для прохода батарей. Вот вы, — обратился он к старшему, — садитесь к нам в машину и покажите, пожалуйста, дорогу, а вы, — кивнул он второму офицеру, — оставайтесь на посту. Мы быстро вернёмся. Минут через пятнадцать!

— Слушаюсь! — ответил старший и полез в автомобиль. Он уселся, сжатый с двух сторон могучими плечами Титаева и Якимчука.

Оставшийся на посту офицер отошёл в сторону, и «самоварчик» помчался из Ивановки.

— Ваше высокоблагородие, будьте осторожны: разведку красных видели километрах в трёх, — предупредил Гай белый офицер.

Проехали километра два и действительно увидели впереди дозор красноармейцев, расположившийся у моста через речонку.

— Вон они, у моста. Видите, ваше высокоблагородие! — с тревогой закричал офицер, указывая рукой.

Но «полковник артиллерии» и не думал тревожиться, а автомобиль продолжал спокойно мчаться вперёд. Да и красные, увидев «самоварчик», не стали стрелять, а побежали к нему навстречу, радостно крича:

— Товарищ Гай! Товарищ Гай!

Офицер хотел было вскочить, но его с двух сторон крепко держали могучие руки Титаева и Якимчука.

— Что, ваше благородие, попался? — смеясь говорил ему Титаев.

— Ну вот видите, храбцы: всё в порядке! — говорил довольный комдив 24.

К 3-й СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ

Он вёл их к победе сквозь пламя
и грозы,
Дорогами Славы от дымных
предместий...
Он вёл их — и душат
предательски слёзы
В минуту отдания воинской
чести.
В волненье не имеет границ
обелиска,
Застыли в строю островерхие
ели
Над братской могилой
под ветром балтийским
На самой свинцовой из всех
параллелей.
А в уши грохочут армейские
трубы,
Как будто раскаты далёкого
боя...
И шепчут его побледневшие
губы
Слова благодарности павшим
героям.
Так было — от памяти некуда
даться...
Давно это было — и всё-таки
рядом,
А если точнее: у самого сердца,
У Невской Дубровки, у стен
Ленинграда.

НА СНИМКЕ: бывший командующий Невской оперативной группой генерал Василий Фомич Коньков у памятника, построенного ребятами пионерлагеря «Островки».

ПОДАРОЧЕК

Смешно, конечно, об этом говорить, но человек я удивительно глупый. Так оно наверняка и есть, — разве станет умный человек говорить про себя такое?

С другой стороны, конечно, я далеко не дурак и кое в чём разбираюсь не хуже других, но вот с задачками, в школе у меня — беда, сплошные нелады. Какое первое действие, какое второе, какое четвёртое там или пятое? — нет, в этом я разобраться не могу! Химия, физика, математика! — как подумаю, что будет со мной в старших классах, сразу же хочется быстро сесть в самолёт и улететь хоть на край света и пожить там лет десять в тишине, совершенно не думая о том, сколько стоит метр ситца, если семь метров бархата в сорок раз дороже трёх метров капрона. Я бы потом вернулся, уже взрослый, с усами и в шляпе, и многие говорили бы: «Да вы только посмотрите на него! Как он рисует! А поёт! А спортсмен какой! Совсем необязательно ему задачки решать».

Да-а, довольно глупый я человек. И в этом я сам виноват, больше никто. Думаете, мало на меня сил школа тратит? И учителя, и вожатые, и ребята, и девчонки из нашего класса — все хотят научить меня уму-разуму, научить задачки решать. Все помогают. Ко мне даже разных учеников прикрепляли, кто поумнее меня, в помощь. Я всех и не помню — кого именно. Помню, что толку от этого было мало. Танька, например, Зайцева совсем, видно, со мной извелась. Как сяду рядом с ней учиться задачки решать, как посмотрю на её уши — так сразу начинаю хохотать. Уши как уши, а я хохочу. В школе почему-то её уши меня совершенно не веселили, а у неё дома — очень. А с Димой Басовым у меня ничего не получилось абсолютно по другой причине. Напротив его окна, через улицу, было одно странное такое окно, откуда — мне всё время казалось — кто-то за мной следит и хочет застрелить меня из револьвера. Ужас, правда?

К чему я всё это говорю? А вот

к чему. Теперь ко мне Игорька прикрепили, и картина резко переменялась. Теперь у меня всё чаще и чаще вместо двоек появляются тройки. Не могу сказать, что они очень крепкие, эти тройки, но это уже не двойки, не-ет... Видно, в школе так решили, что раз я знаю хоть немножечко больше, чем на двойку, двойку ставить уже несправедливо. Сами понимаете, как я рад и благодарен Игорьку. Человек он, правда, довольно противный, но умница, не то что я, хотя роста он ничтожного, клоп совсем, и головка у него до того маленькая, что я никак не могу понять, как он так запросто может решать эти задачки. Ему совершенно безразлично, с какого действия начинать решать — с первого или с пятого, ему и так с самого начала всё ясно, что к чему и какой будет ответ. И объясняет он просто прекрасно, и я ему очень благодарен, хотя человек он довольно-таки противный. Я как-то раз захожу к нему на днях потренироваться по арифметике, а он мне и говорит:

— Ну как, решил задачку на завтра?

— Да нет, — говорю. — Нет ещё. Я, — говорю, — Игорёк, не всё там понимаю.

— Надо самому головой думать, — говорит он.

— А ты на что? — сказал я. — Тебя ведь не зря ко мне прикрепили? А?

— Конечно не зря, — говорит. — Голова у меня в порядке! Я как прочёл эту задачку, сразу сообразил, что на каждую лошадь на пришкольном участке приходится по двести пятьдесят три цыплёнка.

— С ума сойти! — сказал я. — Может, ты объяснишь мне, как её решать, а то у меня получилось так, что лошадей там было больше, чем цыплят.

А он говорит:

— Ты, — говорит, — возьми мою тетрадку, всё перекатай, а потом сам сообразишь, что к чему, мне с тобой сегодня неохота возиться, у меня сегодня день рождения.

Я очень растерялся, когда он это

сказал. Выходит, я пришёл на день рождения к человеку, а сам без подарка.

— Слушай, — говорю. — Как же так?! Подарка-то я не принёс.

А он говорит:

— А зачем? Ты ведь ничего не знал. Ты не знал, потому что я тебя не приглашал.

Вот гад, а!

Но мне всё равно было неловко.

— Слушай, — говорю, — хочешь мою шариковую ручку, многоцветную?

Он спрашивает:

— На сколько цветов?

— На три, — говорю.

— Оставь себе, — говорит Игорёк. — У меня на шесть есть.

— Тогда, — говорю, — хочешь, я подарю тебе свои джинсы? Они почти что новые, свеженькие.

Глупо, конечно, они и мне-то велики, а на него и одной штанины бы хватило, но уж очень мне было неудобно, что я без подарка заявился.

— Твои джинсы — что́, — говорит он. — Вот у меня скоро будут джинсы — это джинсы. А твои джинсы — это не джинсы, а так себе, неизвестно что.

Я совсем растерялся и брякнул полную ерунду:

— А хочешь, — говорю, — изоляционную ленту, а? Хочешь, я тебе её завтра в школу принесу?

— А вот это совсем другое дело, — говорит Игорёк. — Валяй. Мне она как раз может понадобиться, а деньги тратить неохота. Тащи.

Я сказал ему, что ленту ему я обязательно притащу, раз день рождения, но всё никак не мог успокоиться, потому что быстро сообразил, что лента — какой же это подарок? — и сказал тогда:

— Игорёк, позволь я за тебя ведра с мусором вынесу?

Он говорит:

— Уже всё. Чистые.

— Ну-у... может, тогда я пол вам вымою или окна? Ты не сомневайся, я здорово дома наловчился, я, как двойку получу по арифметике, сразу же мою пол — мне мои ве-

лят. Меня уже тошнит от этого, но мёю я здóрово, как надо. Давай тащи тряпку и ведро.

Игорёк говорит:

— Слушай, что ты ко мне привязался? Ты что — подарок мне сделать хочешь?

— Ну да, — говорю, — именно что подарок.

— Пол мыть — для меня не подарок, — говорит. — Я всё равно сам его не мою. А во-вторых, чего ты стараешься? Я же тебя всё равно не приглашал на день рожденья.

— Да брось ты, — говорю. — Приглашал — не приглашал! Какое это имеет значение? У тебя день рожденья, и я хочу сделать тебе подарок — как полагается.

Он вдруг быстро подошёл ко мне и говорит:

— Ах, ты очень хочешь? Очень, да? Ну, тогда ладно! Тогда вот что. Пошли сейчас к нам во двор, и ты дашь в глаз Саньке Трофимову, а ещё лучше — отлупишь его. Понял?!

Я невероятно обрадовался и стал орать:

— Пошли! Пошли быстрее! Да-дим в глаз Саньке Трофимову! Бе-жим!

Мы выскочили на лестницу и помчались вниз, и Игорёк — прямо смех! — летел впереди меня, как маленький воробышек, а я орал:

— Быстрее! Вперёд! Сейчас да-дим ему в глаз, будь он проклят!

— Вот именно! — кричал Иго-рёк. — Ты беги и готовься!

А я кричал:

— Ясное дело! Сейчас мы ему покажем, этому извергу!

Вдруг я остановился, и Игорёк тоже, а я часто-часто так задышал — дых-дых, дых-дых! — потом маленько успокоился и говорю:

— Слушай! А как же я его бить буду? Я же его даже не знаю.

Игорёк говорит:

— Это пустяки. Это раз плюнуть. Ты главное — бей, а потом разбе-рёмся.

Я говорю:

— Да нет. Ты, видно, меня не понял. Я же его не знаю совсем. Пло-хой он человек или хороший — я же

не знаю. Он для меня — ноль, мне его и бить-то не хочется. Ты только меня правильно пойми. Зачем тебе, чтобы я его бил? У тебя с ним — что?

Игорёк говорит:

— У меня с ним личные счёты.

Я спрашиваю:

— Какие же? Что он тебе сде-лал?

А он отвечает:

— Это не имеет значения. Ника-кого. Я вижу, ты не хочешь сделать мне подарок ко дню рождения?!

Я говорю:

— Чушь какая! Да я с удоволь-ствием. Но ты пойми меня пра-вильно: как же я буду его бить, если он для меня — ноль? Я на него даже и не сержусь. Я его и в глаза не видел — соображаешь? Может, тебе лучше самому его отлупить, а?

Я посмотрел на Игорька, а он вдруг ужасно покраснел, и я понял, что сморозил глупость, потому что Игорёк — честное слово! — совсем клоп, а этот Саня, видимо, — будь здоров!

Игорёк говорит:

— Ну и гад же ты всё-таки! «По-дарок! Хочу тебе сделать пода-рок!» А сам что? Я, можно сказать, тебя в люди вывел, ты теперь креп-кий троечник, не так ли? Ты теперь, наверное, дома пол и не моешь? А? Ну, часто ты моешь пол дома или нет? Вот именно! А подарок сделать мне не хочешь.

Я сказал тогда тихо:

— Ну, пойдём. Ладно. Раз я обе-щал, значит обещал — в этом ты прав.

Мы стали спускаться по лестнице дальше, но уже не бежали, а про-сто шли, и я всё думал, что мне придётся дать в глаз этому Сане, раз я обещал, и как было бы хо-рошо, если бы Сани во дворе не оказалось.

Я сказал Игорьку:

— Я ему дам в глаз, ты не со-мневайся, но я прямо не знаю, как это сделать — я на него даже не сержусь.

Он говорит:

— Ничего, ничего. Волноваться не стоит. Как только ты его уви-

дишь — сразу же рассердишься и захочешь дать ему в глаз.

— Может, его нет во дворе? — говорю.

— Да нет, он там. Я в окно видел.

— Может, — говорю, — ты ошибся?

— Ерунда, вон он стоит, — сказал Игорёк, когда мы как раз вышли с лестницы во двор.

Я увидел, что в другом конце двора стоят ребята, и, пока мы медленно к ним шли, всё старался угадать, кто же Саня, но так и не догадался, а спрашивать не стал. Я шёл будто во сне, хотя и не боялся совсем.

Мы подошли к этим ребятам и остановились, а они замолчали, и я сразу же понял: вот он, Саня, стоит себе и смеётся (а все молчат) и глядит за моё плечо, — видимо, на Игорька.

А я стал глядеть на Саню и искать в нём что-нибудь такое, на что бы я мог рассердиться, но у меня ничего не получалось, а он всё смеялся. Он нормально смеялся — ни за что не рассердишься. Он был здоровый, здоровее меня, и довольно-таки симпатичный. Я себя ужасно глупо чувствовал и вдруг даже захотел убежать, но в этот момент Игорёк щипнул меня сзади, и тогда я захохотал не своим голосом и сказал Сане:

— Ну и носище у тебя! Кривой! Как пружина от матраса!

Он улыбнулся и сказал:

— И ничего подобного. Даже не похож.

Я-то и сам знал, что нос у него как нос, это сразу было видно, но сказал:

— Жуткий нос. Отвратительный. Как блямба!

Он говорит:

— И опять ты не прав.

И тогда я его ударил!

Я толком даже не знаю, как это вышло, я его ударил и растерялся и стал думать, что надо бы извиниться, а сам в это время ударил его ещё несколько раз, а потом ещё раз, и ещё, и ещё, — и вдруг

заметил, что теперь бью всё время мимо, потому что он крутит головой так, что я промахиваюсь.

Я опустил руки и перестал его лупить.

А он улыбнулся мне, потрогал пальцем ушибленные места, потом сказал: «Ай да Игорёк!», после повернулся и пошёл, насвистывая, по двору, к парадной. Я слышал, как он идёт вверх по лестнице и свистит и смеётся в полной тишине.

Я обернулся и увидел, что Игорёк куда-то исчез, а все ребята стоят молча и глядят на меня.

Один сказал:

— Ну ты ловкач! Здрóрово ты его разделал.

Второй говорит:

— Ага. Под орех. Редкое зрелище.

Я говорю:

— Я не хотел.

А первый опять:

— Ну, ты молоток. Ай да парень. Гигант.

— Я не хотел! Не хотел я! — крикнул я.

Они говорят:

— Ну, само собой.

Я кричу:

— Что «само собой»?! Что «само собой»?!

А они хохочут.

Я кричу:

— А что же он меня не бил? А? Что же он-то, а?!

Первый сказал:

— Он не любит. И ещё он не имеет права. Он боксом занимается. Им тренер не велел.

— Привет, — сказал я. — Всего наилучшего.

И пошёл со двора прочь, и, пока шёл, они все молчали и, наверное, смотрели мне в спину.

На душе у меня было... лучше не говорить. Так я и принесу ему завтра изоляционную ленту. Жди! Да и на лошадей этих и на цыплят его мне наплевать. Лучше буду мыть пол каждый день.

«Лучше уж быть глупым», — думал я.

Лучше я буду глупым.

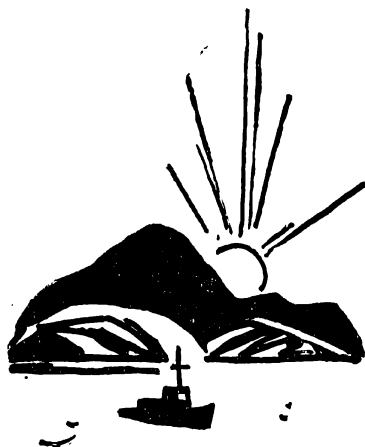
Снежная страна

Осенним вечером усну,
А утром — лишь глаза открою —
Увижу белую страну
И назову её Зимой.

Мне будет весело в ней жить,
Смеяться, радоваться снегу,
На льду сверкающем кружить,
В сугробы плюхаться с разбегу.

Бродить по заячьим следам,
Сидеть над лункой на рыбалке,
В морозный день спешить
к друзьям,
Взяв лыжи лёгкие и палки.

Хотя бы раз, как смельчаки,
С крутой горы стрелой помчаться,
И все вокруг снеговики
Тогда мне станут улыбаться!

Сахалинский посёлок

На волне зелёно-синей
Долго катер нас качал,
Чтоб найти на Сахалине
Узкий берег и причал.
От причала путь недолог,
В этот час в распадке тишь,
Дремлет маленький посёлок —
Двадцать пять покатых крыш.
Серебром блестят запруды,
Воздух рыбьей пропах,
Сопки важно, как верблюды,
Солнце держат на горбах.
Полон света весь распадок,
И поверить я готов,
Что ему совсем не надо
Пышных зданий и дворцов.

Перед ледоходом

Даже камни слышат
Этим вешним днём,
Как сурово дышит
Море подо льдом.
Как оно вскипает,
Рвётся на простор,

Будто запекает
Миллионный хор.
Я настроюсь, море,
На твою волну.
Подари мне, море,

Ширь и глубину.
Ветры заглушая,
Вскалывая льды,
Зазвучит живая
Музыка воды!

Причину их переезда в эти затерянные среди лесов и озёр северные края Юрка толком не знал. Какие-то неприятности на работе у отца — и вот результат: серые домики под серым небом, незнакомые люди, скука...

С утра до вечера Юрка ходил по дощатым настилам набережной. Ребят-ровесников не встречалось, — вероятно, все уже разъехались на каникулы. Единственным человеком, с которым ему удалось познакомиться, был маленький старикашка дядя Егор.

Юрка увидел его возле продовольственного магазина. На крыльце сидела рыжая дворняга, дядя Егор внушал ей:

— Пенсия — не сегодня. Пенсия — завтра. А сейчас сиди тихо!.. Я пойду бутылки сдам...

Но бутылки дядя Егор сдавать не пошёл, а, заметив Юрку, обратился к нему:

— Знаю! Учителя и учительши сын... Знаю! Как звать?

— Юрка!..

— А я — дядя Егор. Эх, Юрка! В распрекрасные места ты приехал. Разговаривал Юрка с дядей Егором и на следующий день. Высоко поднимая седые мохнатые брови, дядя Егор спрашивал:

— Чем наши места особенные?

И отвечал:

— Течёт большая вода, подходит к озеру, но сразу в него не впадает, на рукава делится... Тут мы и живём!

Это Юрка слышал и от отца: посёлок расположен в устье реки, на островах.

— Заметил? — продолжал дядя Егор. — У нас ни машин, ни автобусов, ни лошадей! Поскольку улиц нет — реки! В сараях у нас лодки чинят... Лодка здесь — главное средство...

Ни отцу, ни матери лодка была не нужна: то, что составляло предмет их каждодневных забот, — школа, где они собирались преподавать, магазин и керосиновая лавка, — всё это находилось поблизости, на том же берегу, где квартира. Но зато для Юрки желание иметь лодку стало вскоре непреодолимым.

Однажды в ясный день, когда река не казалась рекой, а была перевернутым небом — голубым, с неподвижными облаками, — Юрка увидел соседей, возвращавшихся с рыбалки. Днища их лодок были завалены серебристой плотвой и сверкающими всеми цветами радуги толстобокими окунями. Над лодками кружились чайки. Вот

одна из них опустилась к воде, снова взвилась в воздух, но летела она теперь с трудом: в клюве трепыхалась огромная, как сама чайка, рыба. У Юрки сжало горло — так ему захотелось в речную даль, туда, где два неба: над головой и внизу, под лодкой...

А как-то Юрка вышел на набережную перед сном. Весь посёлок — каждый двор и закоулок — был залит таинственным сиянием белой ночи. Очертания деревьев на противоположном берегу — недавно ещё зыбкие и туманные — уточнились, как бы ожили. Старая, обшитая тёсом часовенка потеряла объём и стала похожа на фотографию...

По реке шёл теплоход — огромный, белый, — белее ночи! Только верхняя палуба желтела электрическим пламенем.

Теплоход шёл к озеру. Юрка увидел вдали россыпь сигнальных огней — красных и зелёных. Они были пронзительно яркими и, мигая, словно звали к себе. Юрка знал: уплыть туда он не может, — лодки, что лежали рядом, на розовой от долго не потухающего заката глади воды, привязаны к берегу цепочками, закрытыми на замки...

— Тоскуешь? — спросил его неожиданно подошедший дядя Егор. — Брось! Это только девичьи на такие корабли глядят да тоскуют... Вот сейчас плоты пойдут!..

И действительно, из-за поворота показался широкий чёрный буксир, а за ним длинная гонка плотов. Где-то посередине гонки красным угольком сверкал костёр. Рядом с ним угадывались шалаш, люди. Девичий голос пел:

*Летят утки,
летят утки,
и два гуся...*

Просьба купить лодку не привела ни к чему. Отец, правда, выслушал Юрку внимательно и даже сказал матери:

— Может быть, купим?.. Ведь не на сезон сюда!.. Пригодится... Мать запротестовала:

— Есть покупки и поважнее! А если на ту сторону надо, лодку у соседей попросить можно...

— Рыбалка... Прогулки... — продолжал отец.

— Прогулки!.. — перебила мать. — Ишь, поэтические натуры!.. Потерпите!

В конце июня погода испортилась (дядя Егор предвидел это — как-то, встретив Юрку, он сказал, потирая поясницу: «Спину заломило... штормяга будет!). Юрка не выходил из дому, в окно видел: противоположный берег — в сплошной пелене дождя. Грохотал гром, над посёлком — коротко и резко, над озером — раскатисто, глухо. На третий день, к вечеру, гроза утихла, но ветер не унимался; он пригнул к земле одинокую берёзку во дворе, завывал в трубе.

Юрка скорее почувствовал, чем услышал, какую-то суматоху на берегу. Накинул куртку, выскочил на улицу. У поворота реки не-

умолчно гудел теплоход. Он приближался к посёлку, но не так, как всегда, а бортом вперёд, задевая кормой и носом сваи и деревянные мостки, с грохотом дробя их в щепу.

Люди выбегали из домов, быстро отвязывали лодки, прыгали в них, гребли в сторону озера. Несколько неотвязанных лодок постигла та же участь, что сваи и мостки...

Под порывами ветра теплоход всё ускорял и ускорял своё движение. Всё суетливее становилась поселковая набережная.

У самой воды Юрка заметил дядю Егора. Мокрыми дрожащими руками старик пытался вставить ключ в замок и тревожно поглядывал в сторону надвигающегося теплохода.

— Понесло посудину! — сказал он подбежавшему Юрке. — Ничего не сделаешь: река!..

Теплоход был совсем близко. Уже виден был капитан, то и дело подносивший ко рту рупор и что-то кричавший в него. Рулевой крутил штурвал во все стороны. Теплоход, однако, упрямо продолжал двигаться поперёк реки.

Дядя Егор открыл наконец замок, бросил в лодку цепочку и вёсла.

— Не успеть! — вздохнул он. — Не уйти! — и знакомым Юрке жестом потёр поясницу.

— Как же, дядя Егор?! — Юрка впервые назвал старика по имени. — А лодка?..

— Не уйти! — повторил дядя Егор.

Юрка ногой оттолкнул лодку от берега и в то же мгновение прыгнул на корму. Зазвенели уключины. Юрка схватил их и вставил в пазы. Сел. Стал грести.

Белая махина теплохода неумолимо надвигалась на него.

Дядя Егор ковылял вдоль берега. До Юрки долетали его слова:

— Гребите сюда!.. Что тебе говорят? Провались она, лодка!..

Юрка грёб, не отвечал. Он старался опускать вёсла как можно глубже, но они почему-то выскакивали из воды, окутывая Юрку туманной брызгой.

Пересохло во рту. Юрка стал слизывать брызги из-под носа и с

На телефонной линии между горными кишлаками Булак и Крут исчез телефонный столб. Связь прервалась.

— Пропал... — доложил монтёр Бузрук Хасанов, вернувшийся с линии.

— Как это пропал? — возмутился начальник отделения связи Пётр Михайлович Зотов.

Бузрук развёл руками:

— Не знаю как... Пропал — и нет. Провода оборваны.

— Да как же мог пропасть целый столб! Что это, спичка?..

Не сказав больше ни слова, Зотов выбежал во двор, вскочил на лошадь и помчался на линию. Через полчаса он был уже на месте аварии. Действительно, столб исчез. Только ямка осталась.

Пётр Михайлович обшарил вокруг каждую лощинку и каждый кустик — столба не было. Чертовщина какая-то... Зотов взобрался на большой камень, лежащий у са-

мого обрыва ущелья, заглянул вниз, в каньон, где шумел и пенился зелёный Зеравшан. У воды лежали круглые серо-красные камни, рос кустик дикого миндаля, и... вот он столб! Застряв между камней, чуть выглядывает из-под воды.

— Вот оно что!

Прищурив глаза, Зотов медленно оглянулся, точно ожидая увидеть сзади чью-то злорадно смеющуюся рожу. Но позади никого не было и горы молчали, только где-то вверху беззаботно кричал кеклик: «Кэ-кэ-кэ...»

— Ах вот оно что... — уже тише произнёс Зотов. — Ну хорошо!

К вечеру был поставлен другой столб.

Однако через два дня снова приехал Бузрук и доложил:

— На участке между кишлаками Булак и Крут пропал один столб.

— Опять пропал! — взревел Пётр Михайлович.

— Лежит в Зеравшане.

И вновь поскакал Зотов на линию. Под обрывом рядом с первым столбом лежал второй. Вокруг было так же тихо, и только кеклик словно смеялся: «Кэ, кэ, кэ. Ха, ха, ха. Что? Как связь? Ха, ха, ха».

Пётр Михайлович в сердцах плюнул и присел на корточки над обрывом. Всё это уже не походило на случайность. Не диверсия ли тут?

Вечером Зотов связался с областным центром. Областное начальство подняло его на смех, посоветовало укрепить столбы по всей линии и не поднимать паники.

Пока Зотов и Бузрук усердно занимались укреплением столбов, на участке между кишлаками Кулак и Крут вновь пропал столб.

На другой день Зотов, вооружившись двустволкой, а Бузрук малокалиберкой и большим кухонным ножом, отправились к злополучному месту, чтобы изловить диверсантов.

Замаскировались в тридцати метрах от вновь поставленного столба. Для поддержания постоянной связи с отделением, где неусыпно дежурил письмоносец Каримбай, подключили к линии переносный аппарат.

Сидели тихо, не разговаривая. Иногда Каримбай, который каждую минуту ожидал услышать грохот выстрелов и другие ужасные звуки, не выдержав долгого молчания, спрашивал в трубку:

— Ну, как, Пётур Михайлич?

— Не появились, — коротко отвечал Зотов.

Стоял жаркий летний день. Где-то в горах клекотали орлы, лениво перекалились кеклики. Бузрук, улёгшись в ямке, выставил из неё свою малокалиберку и напряжённо целился прямо в столб. Вид у него был такой грозный и отчаянный, что Зотов не выдержал:

— Ну куда ты целишь? Куда! Может, они сзади зайдут...

Ждать диверсантов оказалось делом малоприятным, а то, что они не появлялись, наводило на всякие тревожные мысли: вдруг они уже знают о засаде и готовят какой-нибудь подвох? Или сами где-нибудь рядом притаились?

— Ну, как, Пётур Михайлич? — спрашивал Каримбай.

— Не появились.

Бузрук вдруг весь прижался к земле и прошептал:

К победе шли они

Походами-боями.

Каких времён

Солдаты перед вами?

— Идут.
— Идут, — передал в трубку Зотов.

— Пётур Михалич! — взмолилась трубка. — Пётур Михалич! Ходите лучше домой...

Но Зотов не отвечал, весь обратившись в слух: где-то неподалёку осыпались с горы камешки. Затем всё смолкло. И вновь загремели камешки. Идут. Ясно.

— Не трусишь? — спросил Зотов Бузрука, чувствуя, как мурашки забегали по его собственной спине.

— Не-е, — отвечал Бузрук не очень уверенно.

— Пётур Михалич! — плакала трубка. — Я миллионера погоню вам, а?

Зотов не отвечал. Диверсанты приближались. Было уже слышно их дыхание — тяжёлое, прерывистое, злое...

— Дышат-то как, подлюги, — прошептал Зотов. — Здоровущие, видать... Ты не трусишь, Бузрук?

Бузрук не успел ответить — из-за выступа скалы появились два... медведя.

— Фу, чёрт! — негромко и с облегчением выругался Зотов. — Только нервы треплют...

— Стрельнуть, что ли? — спросил повеселевший Бузрук.

— Ты что? А диверсанты?

В это время медведи подошли к столбу и дружно стали его раскачивать. Зотов не верил своим глазам. Он хотел вскочить, закричать, но быстро смекнул, в чём дело:

— Ну хитрецы! Напаялили на себя медвежьи шкуры...

— Ну уж нет, — отвечал Бузрук, — настоящие медведи, знаю я их.

Тем временем медведи повалили на землю столб, который, падая, потянул и оборвал провода. Затем положили столб на камень, что лежал у самого обрыва, и.

усевшись друг против друга, стали качаться.

— Что делают! — заахал Бузрук.

— Им игрушки, а нам!.. — вконец рассердился Зотов и выпалил в медведей сразу из обоих стволов.

В тот же миг в трубке раздался отчаянный крик:

— Пётур Михалич!

А оба мишки со страшной скоростью понеслись к горе.

Зотов крикнул в трубку:

— Всё в порядке, Каримбай, операция закончена!

Столб всё же свалился в ущелье. Зотов и Бузрук смотрели на него сверху и на чём свет стоит ругали медведей.

Наконец Пётр Михайлович успокоился:

— Ну, больше уж не придут.

И где-то вверху весело закричал кеклик: «Кэ-кэ-кэ, не придут!»

ВЫ, ребята, скажете: всё это выдуманно, — но ошибётесь. Конечно, кое-что я придумал, но насчет медведей — сушая правда. Был такой случай в одном из горных районов Таджикистана. А почему для качелей мишкам понадобился именно столб? Это понятно, ведь в горах Таджикистана нет таких прямых, толстых, гладких деревьев, да и вырвать дерево не так просто. Вот мишки и соблазнились телефонным столбом.

П О В Е С Т Ь

Эдька снял штаны.

— Отчего перевелись богатыри на святой Руси, знаете? — спросила бабушка.

Мы не знали, отчего они перевелись.

— Возгордились они слишком да расхвастались, — сказала бабушка, разглядывая, как лучше заделать на Эдькиных штанах прореху. — Не намахались, вишь, их плечи могучные, не уходились кони их добрые, не притупились мечи их булатные. Подавай им силу несметную, лишь бы бить им, колоть да расшвыривать.

Она зашивала штаны и рассказывала про богатырей, которые зачали воевать семью против двух Первым налетел на воителей Алёша Попович и разрубил их пополам. Стало воителей четверо и все живы остались. Налетел Добрыня молодец, рубанул мечом, стало их опять вдвое больше. Налетел Илья Муромец, стало их опять вдвое больше. Бились так витязи три дня, три часа, три минуточки. А сила вражья всё росла и росла.

— В геометрической прогрессии, — подсказал Кит.

Бабушка, наверное, не знала, что такое геометрическая

Продолжение. Начало в «Искорке» № 10 за 1967 г.

прогрессия. Она обиделась и замолчала.

Эдка натянул свои зашитые штаны.

— Не бывать плешатому кудрявым, не бывать гулящему богатым, — сказала бабушка и погнала нас на улицу.

Меня она задержала у двери:

— Как сестрица, красна девица?

— Феня-то? — сказал я. — Нормально. Чего ей.

— На море Окияне, на острове Буяне добрый молодец-от оборотнем живёт, — проговорила бабушка. — То змеем обернётся, то котом наречётся. Гляди, Тимофей.

— Это вы про что? — не понял я.

— Про серого волка, что с

неба звёзды лопатой сгребает.

Она подтолкнула меня к выходу:

— Гуляй, гуляй, Тима, добрый человек.

Рука у неё была костистая. Я сбежал с высокого крыльца на улицу.

На кособокой скамейке сидел и жмурился от яркого солнца кот Альфред. Он мигал правым глазом. А мне вдруг почудилось, что кот обратится сейчас в Змея Горыныча, похожего на того генерала, который был влюблён в монахиню Терезу и хотел её похитить. Вот Змей Горыныч изрыгает из семи глоток пламя и летит к санчасти за Феней. А крылев у Змея нет, и как он держится в воздухе — было мне совершенно непонятно.

КУСТЫ стояли без шороха. Вода в речушке под нашей баней темнела студени-

стым глянцем. В воде отражались высокие перистые облака, лёгкими мазками набросанные по синему небу.

У земли было тихо. А там, откуда плыл к нам размеренный стрёкот ползущего в яркую синь легкокрылого самолёта, дул сильный северный ветер. Мы знали о ветре потому, что парашютистов сбрасывали над Сопушками, а уносило их чуть ли не к мысу Доброй Надежды.

Лёгонький самолёт тарахтел

ШТУРМАН- СКИЕ ЧАСИКИ

старательно и упорно. Нам было хорошо видно, как из задней кабины вываливал-

ся человек. Перед этим лётчик убирал газ, и мотор затихал, словно у него перехватывало дыхание. Человек падал вниз, и за ним вспыхивала белая точка вытяжного парашюта. За точкой вычерчивалась белая полоса. Она набухала, раздувалась и вдруг мгновенно становилась большим упругим зонтом, под которым раскачивался парашютист.

— Восемь секунд, — говорил Эдка, поглядывая на бегущую толчками красную

стрелку штурманских часов, которые он по случаю сегодняшних прыжков выпросил у матери.

Эдька был уверен, что если бы разрешили прыгнуть ему, то он бы тянул не меньше минуты.

— Затяжной прыжок — это не для слабонервных, — в сотый раз повторял он.

Где-то в траве верещал кузнечик. Вздыхала и копошилась у подмытого берега речушка.

— Затяжным они, однако, не имеют права прыгать, — сказал с бани Кит. — У них задание незатяжным прыгать.

Кит залез на крышу, чтобы было лучше видно.

— Откуда это тебе известно, какое у них задание? — поинтересовался я.

— Было бы другое задание, они и прыгали бы по-другому, — сказал умный Кит. — Военная дисциплинка, однако.

Парашютистов сносило к аэродрому. Было хорошо видно, как они сидят, держась поднятыми руками за стропы. А самолёт снова кругами набирал высоту и покачивался с крыла на крыло.

— Почему, так же само, самолёт летает, знаете? — спросил Кит.

— По воздуху, однако, — невозмутимо отозвался Эдька.

Кит Эдькиного «однако» не заметил. До него такие тонкости не доходили.

— Самолёт потому летает, — сказал Кит, — что у него в крыльях создаётся подъёмная сила.

— Да ну? — удивился Эдька. — Неужели потому, что подъёмная сила?

Эдька держал свои штурманские часики, как судья на соревнованиях. Фасонил он этими часами больше, чем какая-нибудь девчонка новым бантом.

— Мы не закончили профиль крыла, — сказал Кит. — Не закрыли его снизу. Серкиз правильно подметил, что у нас не крыло получилось, а корыто.

— О, если Серкиз! — воскликнул Эдька. — Тогда, конечно, если Серкиз!

— Наше крыло парашютировало, а подъёмной силы у него не было, — развивал свою мысль Кит. — Нам нужно закончить профиль крыла. Воздушный поток создаст разность давления в нижней его части и, так же само, в верхней. Понимаете?

— Где уж нам уж, — вздохнул Эдька. — Но ты гений, Кит. Ты Исаак Ньютон. Ты Чио-Чио-Сан, Китище.

— Чио-Чио-Сан — это кто? — спросил Кит.

— Чио, — сказал Эдька, — это человек, Чио. Дырку сзади видишь?

— В крыше? — спросил Кит.

— В ней самой.

— Вижу.

— Посмотри, что я в ней устроил.

Крыша была трухлявая. Деревянной дранкой её, наверное, покрывали лет сто назад. Не меньше. Кит крякнул и полез к чёрному проёму. Его

даже неинтересно было разыгрывать, нашего Кита. Его можно было цеплять на голый крючок, без всякой наживы.

Провалился Кит с шикарным треском. Мы даже испугались, как бы его там не придавило стропилами. Мы помогли ему выбраться из-под обломков. Он выкарабкался из бани перемазанный в саже и виновато сказал Эдьке:

— Я тебе, наверное, всё поломал там, что ты устроил.

До него так и не дошло, что Эдька его разыграл.

От хохота у меня закололо в боку. Эдька икал и всхлипывал. А Кит посмотрел на свои чёрные руки и засмеялся тоже.

— Хи, — сказал Кит. — Сажа это. Вымыться, однако, можно.

Он решил, что догадался, отчего мы хохочем, и полез плескаться в речушку. А мы, глядя на него, чуть вообще не подошли от хохота.

Эдька ещё фыркал, икал и охал, когда лицо его вдруг стало вытягиваться.

— Что он делает? Чего он там делает? — пробормотал Эдька, глядя в небо.

Очередной парашютист ещё не успел вывалиться из кабины самолёта, как от него метнулась к хвостовому оперению белая молния. И то ли человека выдернуло из кабины, то ли он, растерявшись, оставил её сам, но случилось страшное. Купол парашюта зацепился за стабилизатор, и человек беспомощно повис под хвостом самолёта.

Самолёт дёрнулся носом

вверх и, теряя скорость, замер на критическом угле. Но тут мы услышали, как вновь затарахтел мотор, вытаскивая машину из неминуемого штопора. Под хвостом, словно маятник, болталась чёрная фигурка. Самолёт набрал скорость и стал неуклюже метаться из стороны в сторону. Видно, в кабине сидел опытный лётчик. Он пытался освободиться от зависшего парашюта, спасти и самолёт и товарища.

— Стропы режь, стропы! — стуча кулаком в кулак, проговаривал Эдька. — Ну, чего же ты там? Стропы!

Он уже не говорил, а кричал.

— Стропы! — подхватил я. — Стропы!

— Он ведь всё равно не услышит, — угрюмо пробормотал Кит, вытирая о рубаху руки. — Мотор там на полных оборотах.

Эдька сумасшедше взглянул на Кита и бросился вдоль речушки к мосткам. Я понимал Эдьку. Я всю жизнь провёл в авиационных полках. Когда что-нибудь случается в воздухе, но ещё не известно с кем, то каждая жена уверена, что это случилось непременно с её мужем. И каждый сын тоже думает, что там именно его отец. Только его.

Мы проскочили шаткие мостки и через поле мчались туда, где, теряя высоту, метался самолёт.

— Стропы! Стропы! — задыхаясь, твердил Эдька. — Ну, чего же ты? Стропы!

У каждого, кто прыгает с

парашютом, есть с собой нож. Если зависнет основной парашют, нужно резать стропы и спускаться на запасном. Иначе — крышка. Пилот спасётся. Он оставит машину и приземлится на своём парашюте. А тебе крышка. Верная. Если не перережешь стропы.

— Стropы! Стropы! — орал мы в три глотки, забыв, что тот, кто висит под хвостом, нас действительно всё равно не услышит.

Мы спотыкались, падали и снова бежали и орали.

Казалось, самолёт выбивался из последних сил. Он походил на попавшую на блесну щуку.

Эдка выдохся первым. Он свалился в пыль на перепаханном поле. Он лучше нас разбирался в лётном деле. Задрав голову, Эдка следил за мечущимся самолётом и бормотал пересохшими губами:

— Прыгай... Теперь сам прыгай. Прыгай же... Не спасёшь теперь.

Эдкины мысли были уже не с тем, кто висел под хвостом, а с тем, который сидел в кабине. Расстояние между самолётом и землёй быстро сокращалось. Наставление по производству полётов обязывало пилота давно оставить машину.

Эх, как не хватало мне сейчас наших крыльев! Взлететь бы, догнать самолёт, сбросить со стабилизатора проклятый купол. Как всё это было бы просто с нашими крыльями!

Эдка сидел на земле, и с висков у него стекали грязные

струйки пота. Мы с Китом стояли рядом и не спускали глаз с падающего самолёта.

— Всё... Теперь всё, — пробормотал Эдка, закрываясь ладонями.

Но неожиданно, когда до земли осталось метров пятьдесят, из кабины вывернулся тёмный комок. За ним белой лентой плеснул парашют и, не успев раскрыться, исчез за деревьями. А неуправляемый самолёт резко изменил центровку, почти вертикально задрал нос и скинул с хвостового оперения злосчастный купол.

Зависшему под стабилизатором человеку повезло. Парашют у него уже был раскрыт. Это его спасло. До земли оставались считанные метры, но купол успел наполниться воздухом.

Брошенный самолёт, беспорядочно переворачиваясь, рухнул в заросшую кустарником балку. Я думал, взорвутся бензобаки. Но они не взорвались.

Того, который завис, отнесло поближе к нам, на край распаханного поля.

Прыгая через рыжие комья земли, мы неслись к белеющему вдали пятнышку.

Парашютиста мы узнали издали. По голове с прозрачным пушком. Это был друг Руслана Барханова — лейтенант Тарас Коваленко. Он сидел, высоко подняв острые колени и зажав ладонями уши. На груди у него тугим рюкзаком топорщился запасной парашют.

Мы остановились метрах в

трёх и не решались подойти ближе.

— Видишь, финка вон, — шепнул мне Эдька.

На широком флотском ремне в ножнах у Коваленко висела финка.

Лейтенант не видел нас. Он застыл в своей неудобной скрюченной позе и не шевелился.

Осторожно ступая, Эдька зашёл со стороны его лица. И тогда Коваленко поднял глаза и обвёл нас отрешённым взглядом. У него мелко дро-

жал подбородок и прыгала нижняя губа.

— Вам... помочь? — тихо проговорил Эдька. — Давайте мы поможем. Вы не ушиблись?

Лицо Коваленко болезненно

сморщилось. Он разжал уши, словно не слышал, и болезненно напрыгал слух.

— Я говорю: вам помочь? — повторил Эдька. — Давайте парашют снимем.

Коваленко вдруг чего-то испугался, защищаясь от нас, выставил вперёд трясущиеся ладони.

— Нет, нет! — срываясь на крик, запричитал он, и я услышал, как у него лязгнули зубы.

Это было страшно. Всегда презрительно - надменный, с гордо выпяченной грудью и танцующей походкой, лысый лейтенант Коваленко неожиданно предстал перед нами совсем в ином виде.

Мы стояли растерянные. Стояли и в упор рассматривали белого, с дрожащими губами лейтенанта.

Наверное, это неприлично — пялиться так на человека. Тем более, когда человек попал в беду и никак не может опомниться.

Мы молча попятились от Коваленко и, не сговариваясь, бросились бежать. Мы не удирали. Мы на всех парах припустили к небольшой осиновой роще, где упал тот, который до последнего спасал лейтенанта Тараса Коваленко.

Лётчик лежал на опушке рощицы, закинув голову с вы-

ступающим на горле кадыком и неуклюже подвернув ноги. Дыхание вырывалось из его приоткрытого рта с хрипом и бульканьем.

— Дядя Жора! — закричал я, падая около него на колени. — Дядя Жора! Что с вами?

Я затряс его и услышал слабый стон. Из уголка рта стекала к уху чёрная струйка крови.

Эдка с Киткой подтащили ему под голову скомканный купол парашюта. Дядя Жора внимательно посмотрел на каждого из нас и хотел что-то сказать. Но ему не хватало воздуха. Я видел, что он задыхается. Он глотал воздух судорожными маленькими глотками, как обжигающий кипяток из кружки. Голову его мы приподняли на парашют, и струйка крови стекала теперь не к уху, а к подбородку.

Я расстегнул на его груди парашютный замок. Тугие лямки освободили плечи и ноги. Ему, кажется, стало немного

легче. Он снова попытался что-то сказать. Глаза его блестели и звали. Я нагнулся ухом к его губам.

— Амба, — еле слышно выдавил дядя Жора. — Позвончик, Тим...

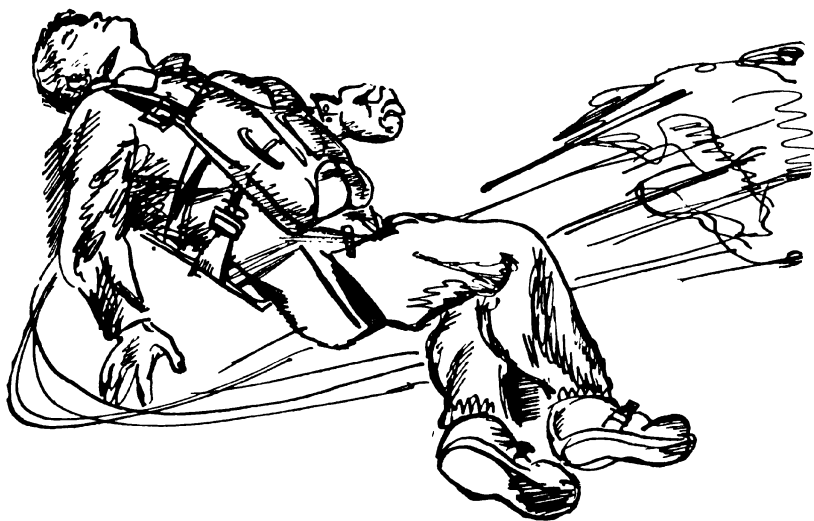
Кровь с подбородка капала на кремовый шёлк парашюта и расплывалась алым пятном.

— Что вы ещё?! — заорал я. — Глупости! Сейчас медицина приедет. Медицина в два счёта. Вы не имеете права! Сначала всегда кажется, что очень больно. Руку мне знаете как было больно.

Он смотрел на меня и чуть-чуть улыбался. А глаза у него блестели всё больше и больше. Потом на нижних веках дрогнули слёзы и скатились по щекам.

— Дядя же Жора! — завопил я.

Он прикрыл веки и снова поднял их. Я понял, что он хочет, чтобы я нагнулся. Я приблизил ухо к самым его губам. Дыхание у него стало слабее и чаще.

— Сплоховал... принц... Гамлет, — прошептал он мне в ухо и захлебнулся.

Из рта вялыми толчками пошла кровь. Глаза расширились, уставились в небо и застыли. Выражение их было немое и чуточку удивлённое.

— Дядя Жора, — пробормотал я сквозь слёзы и тронул его за плечо. — Дядя Жора!

Я тряс его за плечо и орал. Он не стонал, и кровь, что минуту назад густо лилась по подбородку, стала уже подсыхать, покрываться паутинкой трещинок. А застывшие зрачки, не отрываясь, смотрели на какую-то точку в небе.

— Что он сказал? — шепнул Эдька.

— Ничего, — ошалело взглянув на него, пробормотал я. — Сказал, что хотел спасти этого... Коваленко.

Я очень спокойно выговорил каждое слово. А потом закрыл лицо ладонями и упал в траву. Я выл и колотился лбом о землю. Я с яростью отбивался

от Эдьки с Китом, которые пытались меня успокоить.

— Этого дурака спасал! — орал я. — Идиота! Болвана! Он стропы не мог перерезать, а его спасать!

— Тише ты, ну тише, пожалуйста, — растерянно бормотал Эдька, со страхом оглядываясь на неподвижного дядю Жору.

— Вертолёт, однако, летит, — буркнул Кит.

Я поднял голову. Пузатый вертолёт ворочал над деревьями острым хвостом, выбирая место для посадки. Сильная струя воздуха волнами шла по траве, пригибала кусты.

— Что же вы, люди? — проговорил я тихо. — Не могли уж немножечко побыстрее.

Ветер волнами клал траву и трепал над широким дяди Жориным лбом его красивые, как у отца, волосы.

И тут Эдька захлопал вдруг себя по карманам и забормотал:

— Часы... Где же часы?

Что я теперь маме скажу? Она ведь ни за что не поверит, что я потерял их. Разве она поверит!

Я с ужасом уставился на

него. Как он может сейчас о таком? Я никогда в жизни не забуду, как он хлопал себя по карманам и бормотал про какие-то часы.

ВОПРОСИТЕЛЬ- НЫЙ ЗНАК

НА кладбище моросил дождь. Капли стекали с

листьев на деревьях, с кончиков рёбер на зонтах, с красных звёзд над могилами.

За туманом дождя застыли в кустах деревянные пропеллеры. Под ними лежали те, кто не дожил до реактивных самолётов. Теперь над могилами лётчиков пропеллеров не ставят. Теперь ставят звёзды.

Начальник политотдела, сухощавый полковник с больными глазами и седой головой, поднялся на кучу скользкой земли и произнёс речь. Глаза у него были как после бессонной ночи. Он всё время с силой сжимал и разжимал веки. И ещё он давил на закрытые глаза пальцами, сводя их на переносице.

— Спи спокойно, наш боевой друг, — тихо закончил полковник и, насупив брови, сердито посмотрел на дядю Жору.

Дядя Жора лежал, уткнув подбородок в чёрный галстук. Тугой белый воротничок выжал у него на подбородке складку.

Полковник зажмурился, покрутил в опущенных руках фуражку с намокшим чехлом

и стал разглядывать, как ему лучше спуститься с кучи.

Из-под ног у него скользила и осыпалась земля.

Феня хлопала распухшим носом и тыкалась в мамино плечо. Мама держала в левой руке зонтик, а в правой мою руку. Почему-то я совершенно безропотно отдал ей свою руку.

После начальника политотдела выступил Эдькин отец майор Хрусталёв.

Эдька стоял под одним зонтиком со своей матерью. У Веры Семёновны были строго сжаты накрашенные узкие губы.

Под ногами чавкала земля. Люди наклонялись друг к другу и шептались. А в кустах тихо шелестел дождь.

Мама поцеловала дядю Жору в лоб. Мы были самые близкие дяде Жоре. Отец наклонился и тоже поцеловал дядю Жору в лоб. И Феня поцеловала. Феня вся тряслась и не могла поднять головы. У гроба её поддержали под руки Руслан Барханов и Сеня Колюшкин.

Два матроса подняли крышку, которая стояла у дерева, и

хотели накрыть гроб. Но тут в толпе кто-то сказал: «Постойте». Все оглянулись, рассматривая, кто это сказал. А матросы растерялись и не знали, что делать с крышкой.

— Постойте, — повторил тот же голос, и из толпы вышла Люба парикмахерша.

Она подошла к дяде Жоре и смятым носовым платком промокнула скопившуюся в его глазах впадинах дождевую воду. Пальцы у Любы дрожали, но стояла она прямо, не то что Феня. И лицо у неё было спокойное и жёсткое. Водяная пыль сеялась дяде Жоре на лоб, на впалые жёлтые виски, на упёршийся в галстук подбородок. А Люба стояла и вытирала эту пыль, словно хотела разгладить на застывшем лице морщинки.

Она стояла долго. И все смотрели на неё и молчали. А Феня снова затряслась и ткнулась маме в плечо.

Матросы с крышкой поглядывали то на Любу, то на начальника политотдела. Тогда, скользя по глине, начальник политотдела подошёл к Любе, взял её под руку и кивнул матросам.

— Да, да, — пустым голосом сказала Люба.

Когда гроб на верёвках спустили в яму, грохнул салют. И мне сделалось больно, что все поцеловали дядю Жору, а я не поцеловал. И ещё мне было досадно от спешки. Торопятся, словно на обед боятся опоздать.

— Та-а-х-эх-эх! — распорол низкое небо залп.

— Та-а-х-эх-эх!

Люди подходили и кидали в яму горсти земли. Земля стучала по крышке. Люди кидали землю торопливо и смущённо, словно сомневались, правильно ли они делают, кидая на человека землю.

Я закусил губу и побрёл между могилами в глубь кладбища. Я не хотел кидать землю на дядю Жору. О брюки тёрлась мокрая трава. В траве блестели хрусталики дождев. В зелёных чашечках листьев хрусталики катались, как капельки ртути. Из заржавленных овальных жестянок с выцветшими бумажными розами венков улыбались парни в шлемофонах и флотских фуражках.

«Герой Советского Союза лейтенант Гром Валентин Сергеевич, — прочёл я надпись на гранитном памятнике. — Погиб смертью храбрых при выполнении воинского долга».

Воинский долг... Гром не дал самолёту упасть на посёлок. Он разбился, но спас десятки людей.

А дядя Жора? Он тоже погиб как герой?

В сиреневой кашке, что взбежала на холмик к подножию гранитного постамента, лежал кривой, потемневший от дождя сук. Я поднял его и повертел в руках. В суке что-то было. Он походил на крюк от подъёмного крана и на вопросительный знак. Но что-то было в нём ещё. Только я никак не мог угадать, что. Такое умел угадывать один дядя Жора.

— Ты тоже погиб смертью храбрых, — прошептал я, прижимая вопросительный знак к груди. — Тоже. Все знают, что ты был храбрый и спасал этого хвастуна Коваленко, который струсил и раньше времени дёрнул за кольцо.

Вопросительный знак испачкал мне белую рубашку. Я слишком крепко прижал его к груди. В ушах у меня отчётливо прозвучали последние дяди Жорины слова: «Сплоховал... принц... Гамлет...»

— Нет, — громко сказал я. — Нет, неправда это!

Ни с того ни с сего я вдруг так разревелся, что никак не мог остановиться. Я упёрся лбом в берёзу и ревел. Мне было хорошо, что я один и никто не видит, как я реву.

Сзади подошёл Руслан Барханов.

— Ищу тебя, ищу, — сказал он. — Куда же ты задевался?

Он обнял меня за плечи, и мы пошли с кладбища. Вопросительный знак я сунул в карман. Ноги у меня промокли. Волосы слиплись и висели сосульками.

— Вы с ним очень дружили? — спросил Руслан.

Я подумал, что Руслану хорошо сейчас так говорить. Идти под тёплым дождичком и говорить. А дядя Жора остался один. Все разошлись, а он остался. И ночью он там будет один, и зимой, и всегда.

— Я знаю: очень, — сказал Руслан. — Хочешь со мной дружить?

Кому бы, интересно, не за-

хотелось иметь такого друга, как Руслан Барханов? Каждому бы захотелось иметь такого друга. Но я не мог ему ничего ответить. Я боялся, что разревусь снова. Я нагнул голову и думал, что он поймёт. Но он не понял и спросил ещё раз:

— Хочешь?

— Да, — выдохнул я.

— Вот и порядочек, — сказал Руслан. — Пошли к нам. У нас в холостяцкой гостинице ребята собираются. Жору помянуть.

— Он героем погиб, — сказал я. — Я сам видел. Вы не думайте.

— Все видели, — подтвердил Руслан. — Все.

— А этот ваш... Коваленко, — сказал я.

— Будет тебе, — перебил Руслан. — Нашёл о ком говорить. Пускай себе коптит небушко. Его демобилизовать хотят.

Я поднял на Руслана глаза. Он говорил о Тарасе Коваленко так, словно они и не дружили никогда, и на бильярде никогда вместе не играли, и в город вместе не ездили.

Но я понял Руслана. Он был не из тех хлюпиков, которые могут простить труса. Даже если это твой друг.

Я бы тоже никогда не простил труса.

В САМОЙ большой комнате холостяцкой гостиницы набилось человек двадцать офицеров. В этой комнате жил с тремя товарищами лейтенант Дручевский, которого почему-то звали паном. Табачный дым

мешался с прелым запахом подсыхающей на теле одежды. Руслан сходил к себе в комнату за аккордеоном, и мы кое-как протискались к окну. На койке потеснились и освободили нам место.

Закинув за плечи ремни, Руслан растянул мехи, и по комнате тихо поплыла мелодия песни «Служил ты не долго, но честно».

— Будет душу-то вытягивать, — попросил Сеня Колюшкин. — Честное слово.

На столе, вдвинутом в тесный проход между четырьмя койками, нарезали на газете сало и несколько головок лука, накромали кусками круг колбасы и вспороли ножом банки с консервами. Водку разлили по гранёным стаканам.

— Ну, не чокаться, — сказал пан Дручевский. — Жора правильным парнем был. Поехали.

— Поехали, — подхватил начальник парашютно-десантной службы старший лейтенант Массалов.

Я его почему-то не любил, этого начальника ПДС Массалова. Что-то в нём было не такое, хотя он и носил на груди значок мастера парашютного спорта. Мне всё время казалось, что ему нужно было стать начальником дровяного склада, а он случайно пролез в начальники ПДС.

— А ты? — спросил меня Руслан и взглядом показал на стакан, в котором было налито немного портвейна.

— М-м, — мотнул я головой.

— За Жору. Красенького.

Я зажал стакан в кулаке и смело запрокинул его доньшком к потолку. Я не хотел, чтобы офицеры подумали, будто я какой-нибудь молокосос.

— Закусывай, — сказал Сеня Колюшкин, протягивая мне через стол кусок хлеба с салом.

Я сидел как равный среди равных. Потому что я был дяди Жориным другом. И все офицеры знали, какие мы были с ним друзья.

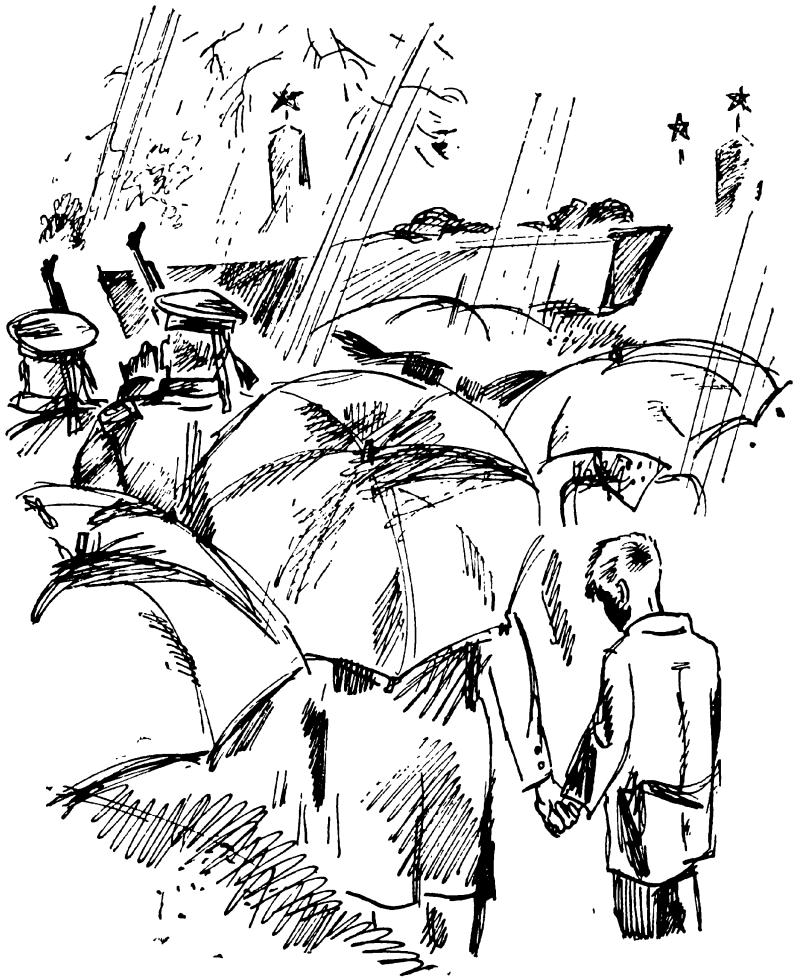
Портвейн вышиб у меня из глаз слёзы. В животе сразу стало тепло. За столом шумели и пели песни.

— «Славное море, священный Байкал. Славный корабль, омулёвая бочка...» — тянул Руслан, положив щеку на аккордеон. Пальцы его чуть дотрагивались до мягких клавиш. Короткие чёрные волосы клинышком спускались на лоб.

Начальник ПДС Массалов пел тоже. Голос у него был — дай боже. Как через усилитель. А слуха — никакого.

Широколицый лейтенант Котлов с мясистым коричневым носом закатывал пустые бутылки под койку. Он закатывал их с серьёзным видом, будто делал важное дело. Бутылки звякали под койкой на разные голоса.

— Он мне ещё тот втык устроил, — рассказывал носатый Котлов соседям. — Я, понимаешь, захожу от солнца, с превышением иду. Лег на боевой. Всё тютя в тютю. А в конусе потом ни одной дырочки.

Ну, он мне и устроил. Как раз накануне это было.

Котлов пустил под койку ещё две бутылки. Откуда распечатанные бутылки появляются на столе, я никак не мог усмотреть. Они сами собой появлялись.

— А я с ним как раз утром шлемофонами обменялся, — в десятый раз рассказывал в дальнем углу за сизым папиросным дымом пан Дручевский. — Мой так жал, прямо уши отваливались...

Каждый рассказывал, как

он последний раз видел дядю Жору. Если бы дядя Жора не разбился, никто бы и не вспомнил, о чём они тогда говорили.

— Эхма, жизнь наша! — сказал пан Дручевский. — За голубой асфальт под крыльями, братцы!

Он поднял стакан.

— Без выбоин и колдобин! — поддержали его.

— А если что, я бы тоже хотел, как Жора, — сказал носатый Котлов.

— Как это? — поинтересо-

вался начальник ПДС Массалов.

— Чтобы до последнего и не стыдно потом чтобы было.

Массалов опустил стакан к столу, но не поставил его. Спросил:

— Чего не стыдно-то?

Голос у него грохотал так, словно он разговаривал с Котловым через речку.

— Эх, сказал бы я тебе! — проворчал Котлов. — Поехали, ребята. Ладно.

Массалов выпил вместе со всеми и утёр ладонью толстые губы.

— Выходит, ему Коваленко стыдно было бросать? — проговорил он. — Так? Один штаны пачкает, а другому за него стыдно. И он от стыда на тот свет отправляется. Так?

Начальник ПДС свободно перекрывал своим голосищем шум в насквозь прокуренной комнате.

— Иди ты, — огрызнулся Котлов, — знаешь...

— Кончай, Массалов! — закричали офицеры. — На примере Коваленко ты нас в штабе повоспитываешь.

— Я не о Коваленко, — сказал Массалов. — Я о другом. Жора второй класс имел, звеном командовал, других с парашютом сбрасывал. Так? А сам он сколько раз прыгнул? Вот вам и результат. Что-то он не очень-то на прыжки рвался. Всё так вот больше.

Массалов показал рукой в точности, как дядя Жора, когда мы возвращались из бани. Он словно подслушал наш тогдашний разговор. Меня даже

в жар бросило. От стыда. И от злости.

— А что? — сказал Массалов, оглядывая притихших офицеров. — Может, не так?

Руслан поднял от аккордеона щёку, рывком сжал мехи. Они рывкнули басами.

— Это ты к чему же клонишь? — с угрозой спросил он.

— К тому, что наставление по производству полётов кровью нашего брата написано, — сказал Массалов.

— Ну?!

— И в нём точно сказано, где и когда оставлять самолёт.

— НПП, значит, вспомнил? — проговорил Руслан. — Пунктик такой-то, параграф такой-то...

— Ребята, действительно, нашли время тоже! — закричали офицеры.

— Самое время вообще-то, — упёрся Массалов. — Под крылышко голову спрячете — завтра снова похороны будут. Мы же за ради удовольствия прыгаем. Плесни-ка.

Он протянул соседу стакан.

— Может, хватит? — подозрительно взглянул на него пан Дручевский.

— Да я что, спьяна, что ли? — удивился Массалов.

— Тогда заткнись! — бросил Руслан. — Пока не поздно. Налейте ему, ребята.

— Я не про Жору, — сказал Массалов. — Я его не хочу обидеть. Не думайте. Он со мной всегда откровенным был. И поэтому я его знаю. И сейчас бы он меня тоже поддержал. Не Коваленко Жора спасал, а... растерялся он. Это ес-

ли по-вежливому. А если по-нашему...

— Ты заткнёшься в конце концов или нет?! — вскочил Руслан. На груди у него дрожали мехами аккордеон.

— А ты, может, иначе думаешь? — ехидно поинтересовался Массалов. — Все так думают, да помалкивают только.

— Никто так не думает, — угрюмо произнёс Колюшкин, вылезая из-за стола. — Никто. Понял? Только некоторые. Слишком храбрые которые.

Он в упор смотрел на Массалова, словно подыскивая повесомее слова. Потом махнул рукой и боком стал пробираться к двери. У двери оглянулся:

— Если бы Жора сам о себе сказал, что трусил, я бы не удивился. Про себя — не каждый такое отважится сказать. Про других — этого у нас навалом. Особенно после драки.

Он зло хлопнул дверью.

За столом зашумели. Меня больно прижали к спинке кровати с тонкими прутьями.

Я выскользнул под стол и полез между ног к выходу. Я тоже не хотел сидеть с этим Массаловым. Я бы на месте Колюшкина ему бы ещё и не то сказал.

В голове у меня гудело, а пол клонился то в одну сторону, то в другую. У стены под койкой лежали пустые бутылки. Пол падал от них горкой. Они лежали на самом верху горки и не катились. Из кармана у меня вывалился вопросительный знак. Я подобрал его и полез дальше.

Выбравшись из-под стола, я стукнул вопросительным знаком по столу и заорал на Массалова:

— Врёте вы! Ничего он не растерялся! Врёте!

Кажется, я попал по блюдцу с окурками. Окурки полетели во все стороны. Я ещё больше разозлился из-за этих окурков.

— Он за Коваленко боялся! — орал я. — Ему Коваленко было жаль! Он смертью храбрых погиб!

Офицеры молча смотрели на

меня, а я орал и лупил суком по краю стола.

Руслан догнал меня у Гнилого пруда и стал уговаривать, чтобы я не обращал внимания на Массалова.

— Мало чего он ляпнет по пьянке.

В голове у меня гудело, как в распределительной трансформаторной будке. Дождик уже не сыпал, но небо по-прежнему было серым и низким. В зелёной чаще пруда надрывались к дождю лягушки. Над ясенем, перелетая с ветки на ветку, гомонили галки.

— А чего это Феня сегодня? — спросил вдруг Руслан. — Он ей нравился, да?

— Кто? — не понял я.

— Да Жора.

Я не ответил Руслану. Я только удивился, чего он вдруг спрашивает такое. Дядя Жора всем нравился. Я ни одного человека не знаю, кому бы он не нравился.

— Мы ведь теперь друзья с тобой, — сказал Руслан. — Мы должны помогать друг другу, рассказывать обо всём. Часто она к нему заходила?

— Как заходила?

— Ну, в комнату к нему?

— Не, — пробормотал я. — Она совсем к нему не заходила.

— Это по-честному?

Я отвернулся.

— Нравится она мне очень, Тимка, — вздохнул Руслан. — Когда мы с ней поженимся, то и с тобой родственниками станем. И винтовку я тебе тогда насовсем подарю.

От Руслана пахло водкой, луком и одеколоном «Шипр». Я сам не знаю, что случилось со мной. Мне раньше всегда нравился запах «Шипра». А теперь мне показалось, что «Шипр» пахнет ещё хуже, чем керосин. Меня прямо замутило от этого запаха.

Я смотрел в зелёный пруд, где квакали лягушки, и думал о том, что такое «сплоховал»? Не успел вовремя выпрыгнуть? Растерялся? Или не сумел спасти Коваленко? Он ведь так и не узнал, что спас Коваленко. Дядя Жора мог про себя что угодно сказать. Про себя — отважится не каждый. Сеня Колюшкин прав. Сеня даже на дядю Жору чем-то похож — такой же большой и неуклюжий. И волосы у них похожие. И он правильно сделал, что ушёл и не стал пить с этим Массаловым.

А если бы дядя Жора выпрыгнул раньше? Тогда, когда ему было положено выпрыгнуть по НПП? Что тогда? Тогда бы он стал героем? Разве смелость — это поступать как положено по НПП? Разве герои поступают только так, как записано в инструкциях? Горбовский всегда так поступал? И Гром? И Гагарин? А если бы Гагарин хоть раз поступил не по инструкции?

— Фене привет передавай, — сказал Руслан, когда мы расстались с ним у холостяцкой гостиницы. — И не забывай, что мы теперь друзья с тобой.

Он помахал мне рукой. А мне почему-то сделалось стыд-

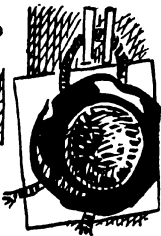
но. Хотя если люди дружат, то это никогда не бывает стыдно. Просто у меня настроение было идиотское. Хоть волком вой.

Руслан отправился дальше

пить с Массаловым. А я опустил голову и побрёл домой. После портвейна с салом мне чертовски хотелось есть.

**СУРГУЧ-
НАЯ
ПЕЧАТЬ**

У ФЕНИ болела голова. Она лежала на кровати лицом к стене, и её белые волосы почти сливались с подушкой.

енно служащего форма одежды, он бы, наверное, и на аэродром ходил босиком. Ему что!

Отец ремонтировал дверцу буфета. Дверца уже целый год болталась на одной петельке. Шурупы и разные ржавые гвозди хранились у нас в железной коробке из-под халвы. В коробке не оказалось ни одного подходящего шурупа.

— Ешь ты их, что ли? — проворчал отец, высыпая содержимое банки на стол.

Хотя я наелся щей и пшённой каши с молоком, в голове у меня ещё немного шумело после портвейна. Поэтому я сказал:

— Нет, я их не ем. Они невкусные.

Отец уставился на меня, но промолчал. Сразу после кладбища ему было неудобно отвечать мне подзатыльники.

— Посмотри в шкафчике на кухне, — сказала мама. — Там внизу, где стиральный порошок, ещё какие-то гвозди есть.

Отец зашлёпал босыми ногами на кухню. Если бы не обязательная для каждого во-

Не успел отец дошлёпать до двери, как в неё кто-то постучал. Дверь распахнулась, и в комнату ввалились начальник политотдела и подполковник Серкиз.

— Не помешали? — жмурясь, сказал начальник политотдела. — Незванный гость — оно дело известное.

Он с силой сжал веки и надавил на глаза пальцами. Пальцы у него сошлись на переносице.

— Не помешали? — повторил он.

Я не помню случая, чтобы наш дом привлёк внимание кого-нибудь из начальства. А тут сразу двое. Отец растерялся и замер по стойке «смирно». Потом он спохватился и бросился за своим кителем, что висел на плечиках за кроватью.

— Ну зачем же вы? — поморщился начальник политотдела, старательно моргая глазами. — Мы ведь на секунду.

Но отец уже застёгивал китель. Нашивки на старшинских погонах походили на посадочное «Т», которое выкладывают

во время полётов на аэродроме. Мама ладошкой сгребала со стола в банку из-под халвы гвозди и шурупы. Я потянул отца за рукав и посмотрел на его голые ноги.

— Ага. Прошу прощения. Сейчас, — забормотал отец и кинулся за ботинками.

Он совсем смешался. Мне его даже жалко стало. Хотя, на мой взгляд, дома человек имеет полное право ходить в чём хочет. Будь он хоть вообще рядовой.

Но в нашем доме меня, кажется, понимала одна Феня. Она как ни в чём не бывало лежала спиной к гостям и лишь одёрнула на коленях халатик.

— Ну вот, хлопот мы вам тут доставили, — заморгал начальник политотдела. — Разрешите?

Он взялся за спинку стула и посмотрел на маму.

— Да, конечно, — засуетилась мама. Она тоже не знала, как вести себя с такими гостями. То ли посылать меня к дяде Косте за водкой и накрывать на стол, то ли ещё что.

Начальник политотдела сел и снял фуражку. Натянутый на неё белый чехол ещё не совсем просох. Только на самой середине высвечивала сухая горка.

Оттого что мы все растерялись и молчали, полковник тоже почувствовал себя не совсем ловко. Моргая и морщась, словно ему запорошило глаза, он посмотрел на Серкиза. Но Серкиз с отсутствующим взглядом стоял у двери и

всем своим видом показывал, что ему этот визит — хуже казёнки.

— Понимаете, — сказал начальник политотдела, переводя моргающие глаза на маму, — мы, собственно, не совсем к вам. Родных у Переверзева не осталось. Так что... В общем, надо как-то с его имуществом вопрос решить. А комнату мы отдадим вам. Тесновато вам тут, и дети у вас взрослые. Замуж им скоро.

Полковник говорил всё это маме. И мама слушала его и тихо кивала головой. При последних словах он попытался улыбнуться. Но веки у него сжимались так болезненно, что из улыбки ничего не вышло.

— Замуж им ещё не скоро, — зло сказала с кровати Феня. — Откуда вы взяли, что им скоро замуж?

— Вот, пожалуйста, — заморгал полковник, опять силясь улыбнуться, — на воре шапка горит. Но я ведь шучу, конечно. Вы понимаете.

— Да, да, понимаем, — заторопилась мама.

А Феня, вместо того чтобы замолчать, отчётливо произнесла:

— Что-то нынче у всех шуточки больно однобокие пошли. Вы бы уж заодно и лейтенанта Барханова помянули. Чего уж.

— М-да, — сказал начальник политотдела, и все замолчали.

Молчали в комнате так долго, что у меня чуть сердце не остановилось. Я не выдержал и сказал:

— Папа говорит, что мы этого Барханова всё равно к нам и на порог не пустим.

— Как? — удивился начальник политотдела и заморгал ещё быстрее. — Почему не пустите?

И в тот же момент на моём затылке прозвенела солидная затрещина.

— Вы не слушайте его, товарищ полковник, — пробормотал отец. — Вы не слушайте.

— А что, теперь так уж пустишь? — спросил я.

— М-да, — сказал начальник политотдела и зажмурился. — Мы бы, в общем, хотели к нему в комнату заглянуть. Вы не возражаете?

— Да как же мы можем? — встрепенулась мама. — Пожалуйста. Она открыта. Он её и не запирает никогда. У него и замка не водилось. Одевали когда, так я вещички его взяла. А так всё как есть осталось.

Для нашей мамы это была целая речь. Но уж больно она

обрадовалась, что начальство, кажется, собралось уходить.

Полковник надел сырую фуражку, покосился на Фенину спину и первым шагнул к двери.

— Прошу вас, — пригласил он маму.

За мамой вышел Серкиз, за ним отец в незашнурованных ботинках. Шнурки с железками на концах стучали по полу.

Мы остались с Феней вдвоём. Она посопела в стенку, повернулась ко мне и сказала:

— Я никак не могу понять, откуда у тебя эта дурацкая манера вечно совать свой нос туда, куда тебя не просят.

Я и сам не знал, откуда у меня эта манера. Но вместе с тем совать свой нос туда, куда тебя просят, тоже нет никакого интереса.

— А ты что, поругалась, что ли, с Русланом? — спросил я.

— При чём тут поругалась я или не поругалась? — отрезала она. — Это совершенно никого не касается. И прежде всего — тебя.

— Как записочки ваши так, так меня касается, — сказал я. — Он тебе, например, привет сейчас передавал.

— Спасибо. Что ещё?

— Больше ничего. Только привет.

— Очень приятно, что только привет.

— А Сеня Колюшкин тебе совсем не нравится? — спросил я.

— Дурак, — сказала Феня.

— Он на дядю Жору немножко похож, — тихо сказал я. — И волосы у него такие же.

У Фени дёрнулась губа. Феня засопела и отвернулась к стене. Мне тоже захотелось засопеть, шлёпнуться на диван и отвернуться к стене. Но я не шлёпнулся. Это только распусти себя, а потом вообще соплей не оберёшься. Я рванул дверь и отправился посмотреть, что там делают наши гости.

С тех пор как не стало дяди Жоры, в комнату я к нему не заходил. Я не хотел заходить в его пустую комнату. Всё стояло, как он оставил, — и стол, и койка, и деревянные фигурки на полках, — а хозяина нету и никогда не будет.

Гости тоже не хотели заходить в пустую комнату. Они теснились у входа.

— М-да, имущества не слишком густо, — говорил начальник политотдела. — Лётное обмундирование сдать придётся. А комнату мы пока опечатаем.

Он обернулся к маме:

— Вы уж нас извините, но такой порядок.

— Да ну что вы! — забор-

мотала мама. — Мы ведь соседи только.

Я протискался между отцом и мамой, и первое, что увидел в душевной комнате, — Любины глаза. Большие печальные глаза Любы-парикмахерши. Они смотрели прямо на меня из стоявшей на столе и обструганной по форме лица липовой чурки.

На столе в стружках лежали узкое долото и нож с кривым лезвием. На токарном станочке висело грязное вафельное полотенце. На полочке рядом с воздушной балериной стоял принц Гамлет и задумчиво рассматривал человеческий череп.

— А это кто? — раздался вдруг голос Серкиза.

Я вздрогнул от его голоса. Серкиз ни слова не произнёс, как пришёл. А теперь словно выстрелил.

Он смотрел поверх Любиной головы на висевший в деревянной рамке портрет человека с чапаевскими усами.

— Кто это?

— Отец дядин Жорин, — проговорил я и тут же испуганно попятился.

Выпуклые глаза подполковника ударили меня, точно я опять свалился на него с крыши.

— Кто?

— Отец, — пролепетал я. — Он мне сам говорил.

Непонятно было, чего Серкиз взвился. То помалкивал и словно повинность отбывал, а увидел фотографию и взвился.

Серкиз шагнул через комнату, снял со стены портрет с

треснутым в уголке стеклом и повернул его к свету.

— Это отец Переверзева? — недоверчиво спросил он и взглянул на маму.

— Отец, отец, — растерянно подтвердила мама.

И все в комнате снова почувствовали себя неловко. Почему это у дяди Жоры не мог быть отец? И почему портрет своего отца дядя Жора не мог повесить на стенку? Тем более такого отца.

Проведя по глазам пальцами, словно снимая пенсне, начальник политотдела спросил:

— Вы знали его?

Серкиз не ответил. Мне даже показалось, что он смутился. Он как-то слишком поспешно повесил портрет на прежнее место и выдернул из кармана тужурки кожаные

перчатки. С зажатыми в кулаке перчатками он вновь стал прежним Серкизом. Смущение лишь скользнуло по его лицу и исчезло.

Он смутился всего на мгновение. Но мне хватило этого мгновения. Меня обдало ознобом. Я не сводил с Серкиза глаз. А он с безразличным видом смотрел в окно и похлопывал себя по колену перчатками. Он так похлопывал себя перчатками, словно в комнате никогда не висело никакого портрета.

Но кого он хотел обмануть? Ясно же, что он знал дяди Жориного отца. Конечно, знал! И не просто знал. Зачем бы ему тогда скрывать это?

А человек, который украл чертежи махолёта, тот скрывается. Тому нельзя, чтобы его

узнали. И он давно бы построил этот махолёт, да у него нет расчётов. А расчёты лежат здесь, под койкой, в затасканном чемодане.

Я покосился на койку. Мне стало жарко. На всякий случай я отступил поближе к чемодану, чтобы до последнего защищать дерматиновую папку. Я был готов к схватке. Так бы просто я её не отдал. Дядя Жора сам обещал мне подарить её. И при начальнике политотдела Серкиз ничего со мной не сделает. Он не посмеет ничего мне сделать при начальнике политотдела.

— Так печатаем? — равнодушно спросил Серкиз, поворачиваясь от окна.

Он напустил на себя столько равнодушия, что и последнему дураку стало бы ясно, что к чему. Он вытащил из кармана дощечку и кусок сургуча с таким видом, словно только тем и занимается, что по сто раз в день печатывает разные комнаты.

— Да, давайте, — зажмурился начальник политотдела и вышел в коридор.

Серкиз подтолкнул меня к двери, точно я был каким-нибудь неодушевлённым предметом. Я с трудом отклеился от койки и лихорадочно соображал, как мне быть.

Он уверенно, будто у себя дома, захлопнул дверь, продел в петельки для замка бечёвку, повесил дощечку и чиркнул спичкой. Сургучная палочка поплыла на огне, закапала в углубление на дощечке. Запах — горьким, как на почте. Ко-

гда углубление заполнилось, Серкиз плюнул на печать и вжал её в коричневое быстро твердеющее тесто.

Ушел Серкиз первым, еле заметно кивнув маме.

Начальник политотдела, моргая и морщась, попрощался с мамой и папой за руку.

— Дочке передайте, чтобы не обижалась, — попросил он. — Я и впрямь не совсем удачно пошутил. Да и не ко времени.

Он нагнулся под низкой прилокой, папа взял под козырёк, смутился и сделал вид, что поправляет на голове фуражку. Непонятно, чего он напялил на себя эту фуражку. А когда за гостями захлопнулась дверь, отец сердито сорвал фуражку с головы и сунил её на гвоздь.

— Ходят тут, — пробормотал он. — Делать им нечего.

Ему было стыдно, что мы увидели его не таким, как всегда.

Нашёл тоже, чего стыдиться! Мы и так отлично знали, что он не генерал, а старшина. А если бы он был генералом, то начальник политотдела и подполковник Серкиз тоже бы перед ним попрыгали.

— Тимка, марш за водой! — загрохотал отец из комнаты.

Он теперь искал, на ком сорвать злость, что он не генерал. А я разглядывал на дяди Жориной комнате красную печать. За печатью лежала дерматиновая папка. И я обязан был спасти эту папку. Спасти во что бы то ни стало. Иначе

она неминуемо окажется в лапах Серкиза.

— Я кому сказал? — зарычал отец. — Мне долго тебя допрашивать?

Он, кажется, не на шутку разошёлся после гостей.

Я взял вёдра и отправился к колодцу. Из головы у меня не

выходила папка. Но я уже знал, как выудить её из чемодана и не дотронуться до сургучной печати. Окно Серкиза специально закрыл на шпингалеты. Но я всё равно знал, как пробраться в дяди Жорину комнату. Это было проще простого.

(Продолжение следует)

* ~~~~~ *

Ю. СТЕПАНОВ

БАРАНЬЯ ДРУЖБА

— Нашёл бы ты себе друга, — сказал кто-то Барану, — с дружкой жить легче.

— Я об этом подумаю, — ответил Баран.

Однажды Баран встретил Козла и говорит ему:

— Давай дружить, с дружкой жить легче.

— Ну, если легче, то давай, — сказал Козёл. — Только дружить будем по очереди, сначала ты, потом я.

Сел Козёл на траву и стал смотреть, что Баран будет делать.

«Как же мне дружить? — задумался Баран. — Надо что-то делать, а то Козёл поймёт, что я не знаю, как дружить».

Нашёл Баран камень побольше и стал его рогами

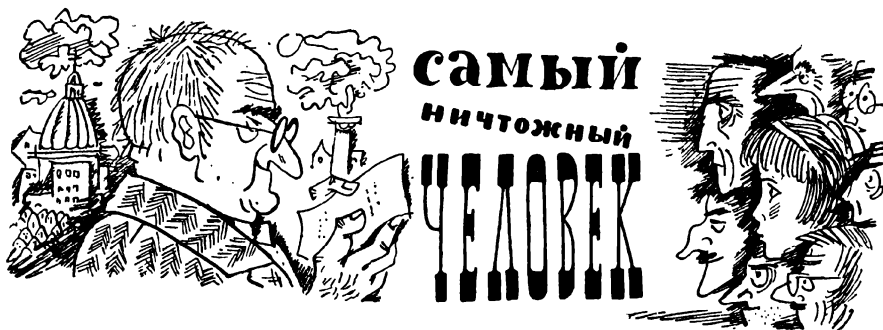
перекатывать. И катал до тех пор, пока у него язык от усталости не вывалился.

Тогда подошёл Козёл, упёрся в камень рогами, но сдвинуть не смог.

— Нет, — сказал Козёл, — эта дружба для меня не под силу, — и ушёл.

«Разве угадаешь, когда чего надо делать? — подумал Баран. — Я же для дружбы старался, хотел, как лучше. Ну что бы мне взять камень поменьше!»

Так и остался Баран без друга.

Мэр города объявил конкурс. И сразу же о нём сообщили во всех газетах, по радио и телевидению — совсем, как в школе объявляют тему сочинения. Нужно было ответить только на один вопрос: кто самый ничтожный человек в городе? Победителя конкурса ожидала какая-то необыкновенная и очень почётная премия.

И сразу же посыпались ответы. Каждое утро почтальоны приносили целые мешки писем с ответами, и жюри изучало их день и ночь.

Ответы были самые разные:

«Самый ничтожный человек — это вор, потому что он не уважает других!»

«Самый ничтожный человек — это дворник, потому что он собирает то, что другие выбрасывают».

«Это тот, кто презирает негров!»

«Нет, самый ничтожный человек — негр, потому что он чёрный!»

«Самый ничтожный человек — это бедняк, потому что он не сумел раздобыть то, что ему надо!»

«Это хозяин, потому что он эксплуатирует своих рабочих!»

«Это тот, кто злоупотребляет своей силой!»

«Это Джованни, потому что он забрал у меня шариковую ручку и не отдаёт!»

Нашлись даже такие люди, которые, чтобы добиться расположения мэра, написали так:

«Самый ничтожный человек — это тот, кто не голосует за мэра!»

Понятно, что нашлись и такие, которые написали совсем наоборот:

«Самый ничтожный человек — это тот, кто голосует за мэра!»

Все спешили послать свой ответ. В городе только и разговору было, что о конкурсе и о том, кто победит. Даже споры устраивались, кто победит — поэт Балладди или писатель Романетти. А может быть, репортёр телевидения Улыбелли, который всегда так остроумен и мил?

В день, когда должны были объявить победителя, на главной площади города собралось всё население. Мэр

взошёл на трибуну и сообщил:

— Премия присуждается...

— Кому, кому? — закричали все, не выдержав.

— Премия присуждается синьору Серафину Савиетти!

Но кто это? Никто не знал этого человека. Все поднялись на цыпочки, чтобы рассмотреть победителя. И вот он уже стоит на трибуне — маленький, скромный человек в очках. Неужели это и есть победитель? А почему же он такой печальный, будто на пытки идёт, а не за премией? Но это был именно он, победитель конкурса! Мэр горячо пожал ему руку, но тот по-прежнему оставался грустным и растерянным.

— Внимание! — сказал мэр. — Сейчас я прочту ответ победителя конкурса Серафино Савиетти.

Все замерли, с нетерпением ожидая ответа. Что такого особенного, красивого и мудрого, мог сказать этот человек, чтобы ответ его оказался самым лучшим?!

Мэр прочитал:

— «Самый ничтожный человек в городе это тот, кто думает, что вообще в городе есть ничтожный человек».

Глубокая тишина опустилась на площадь: от стыда никто не решался поднять глаза. Синьор Серафино Савиетти действительно дал лучший ответ — он напомнил всем одну простую вещь: нельзя презирать людей!

Но отчего же он стоял на трибуне такой грустный и

убитый? Вот уже мэр церемонно протягивает ему большой конверт с премией. Что там? Звание профессора университета? Деньги? Билет на кругосветное путешествие?

Серафино Савиетти медленно и неохотно стал открывать конверт. Странно, что он не спешит узнать, что же там внутри! А он, совсем расстроенный, достал из конверта листок, прочёл его, и лицо у него вдруг просияло, словно у приговорённого к смертной казни, который вдруг получил помилование. Он бросился к микрофону и, размахивая листком, взволнованно закричал:

— Спасибо! Сердечное спасибо за такую премию!

Должно быть, это и в самом деле была великолепная премия. Но что же это? Звание сенатора или академика? Огромная сумма денег?

— Скажите нам, что это за премия! — закричали люди. — Мы тоже хотим знать!

Тогда Савиетти прочёл то, что было написано на листке, который он вынул из конверта:

— «Первая премия состоит в том, что она вообще вам не присуждается!» — и взволнованно добавил: — Спасибо! Это и есть самая большая награда для меня!

И тогда все поняли, как это было мудро: разве можно принимать награду только за то, что ты сказал правду?

Перевод с итальянского

И. КОНСТАНТИНОВОЙ

Советский солдат на зарубежных марках

Среди юных коллекционеров очень много любителей собирать марки, на которых воспроизведены портреты героев, совершённые ими подвиги, репродукции с полотен, изображающих исторические битвы Советской Армии. Таких марок наша почта выпустила много, и молодым филателистам есть над чем потрудиться, чтобы сделать свою коллекцию красочной, полной и содержательной.

Раскрыв такой альбом, мы увидим волнующую летопись Советской Армии. Вот галерея знаменитых советских полководцев... Вот лист, на котором красуются маленькие, но хорошо отпечатанные на марках портреты тех героев, чьи славные имена навечно зачислены в списки воинских частей, в рядах которых они совершили свои бессмертные подвиги. Эти имена выкликаются на поверках, и правофланговый чётко отвечает: «Герой погиб в бою за Родину!»

Но советского воина мы видим не только на советских почтовых знаках. Ведь это он, храбрейший из храбрых, принёс свободу многим народам, находившимся в гитлеровской кабале... Ведь недаром во всём мире Советскую Армию называют армией-освободительницей.

В апреле 1960 года венгерский народ праздновал 15-ю годовщину освобождения своей страны от фашизма Советской Армией. Этому знаменательному событию венгерская почта решила посвятить свой очередной выпуск марок. Долго думали над тем, что именно изобразить на марках. Но вот два художника, Фюле и Бокрош, предложили:

— Давайте изобразим «Бессмертного капитана».

И сразу же это предложение было принято. Художникам не пришлось объяснять, кто такой «Бессмертный капитан».

И вскоре эта марка вышла в свет. На ней была воспроизведена статуя советского офицера с белым флагом в руках. Все

узнали в этом изображении фигуру, высящуюся на памятнике недалеко от венгерской столицы — Будапешта, на 19-м километре Дебреценского шоссе.

Этот офицер и есть «Бессмертный капитан» И. Остাপенко.

Это произошло почти в самый канун нового, 1945-го года. Ещё шла война. Фашисты, обречённые на гибель, яростно оборонялись. В Будапеште и его ближайших пригородах Советская Армия окружила огромную группировку гитлеровских войск. Гитлер приказал им во что бы то ни стало удерживать

Будапешт. В приказах фашистское командование предостерегало, что если Советская Армия овладеет Будапештом, то для неё откроется свободный путь в Австрию и южные районы Германии. А это — конец!

Но в Будапеште кроме огромного количества солдат оставалось и его население. В этом старинном городе находилось много исторических памятников архитектуры. Пока бои шли на подступах к венгерской столице, прямой угрозы гражданскому населению и старинным зданиям не было. Однако кольцо вокруг окружённой вражеской группировки суживалось с каждым днём. Всё ближе и ближе городские кварталы. Если бои разгорятся на улицах, положение гражданского населения станет безвыходным.

И вот командующие советскими войсками Маршалы Советского Союза Малиновский и Толбухин решили предъявить командованию окружённой группировки ультиматум: чтобы избежать излишнего кровопролития и разрушения города, врагу предлагалась сдача без боя.

На передовую линию были выдвинуты наши мощные звуковещательные станции. Через большие рупоры они непрерывно передавали на немецком и венгерском языках сообщение о том, что для вручения ультиматума Советское командование высылает специальных парламентёров. При этом точно указывались час и путь, по которому пойдут парламентёры.

Теперь оставалось решить — кого же послать парламентёром в звериное фашистское логово? Выбор был остановлен на молодом советском офицере, капитане И. Остапенко.

Парламентёр — это представитель одной из воюющих сторон, который идёт в стан врага с белым флагом в руках. Парламентёр, идущий под белым флагом, — лицо неприкосновенное. Ультиматум или другие предложения, которые он несёт с собой, могут быть приняты или отвергнуты, но жизни парламентёра ничто не должно угрожать. Так принято с давних времён.

Но гитлеровцы уже не раз доказывали, что для них не существует никаких общепринятых международных правил и законов. Вот почему беспокойно было на душе капитана Остапенко.

Рано утром 29 декабря 1944 года Остапенко и двое сопровождавших его бойцов, высоко подняв большой белый флаг, направились к фашистской передовой линии. В это время с нашей стороны на всём участке фронта замолкли орудия, миномёты, пулемёты. Прекратили огонь и немцы. С вышек наших наблюдательных постов было видно, как парламентёры пересекли линию фронта.

Вот что произошло после этого. Остапенко был окружён фашистами и доставлен в штаб, где огласил заявление Советского

командования. Но гитлеровские генералы отказались принять наш ультиматум и вести какие-либо переговоры.

Парламентёр сделал своё дело. Теперь он должен возвращаться обратно. Безопасность его должна быть обеспечена противником до той самой минуты, пока он не достигнет передовой линии наших войск.

Остапенко и сопровождавшие его бойцы идут к своим. Наблюдатели на вышках, прильнув к биноклям, видят, как они пересекают вражеский передний край. Вот они уже идут по нейтральной зоне. Зловещая тишина повисла в морозном воздухе. И вдруг... лай миномётов, пулемётная трескотня! Белый флаг

упал на землю. Упал Остапенко. Он недвижим. Убит и один из бойцов, сопровождавших его. Чудом уцелел лишь третий парламентёр, старшина Голубев. Ему одному удалось добраться до передовой линии советских войск.

Это произошло на 19-м километре Дебреценского шоссе. На этом месте венгерский народ воздвиг памятник советским парламентёрам, отдавшим свои жизни во имя спасения детей, женщин, стариков — всех мирных жителей огромного города на Дунае.

Такова история «Бессмертного капитана». Марка, которую выпустила в его честь венгерская почта, является теперь большой редкостью, и тот юный собиратель, который имеет этот почтовый знак в своей коллекции, должен хранить его особенно бережно.

А вот ещё марка. Она издана почтой Германской Демократической Республики. На ней также воспроизведён памятник, известный едва ли не всему человечеству. Это фигура советского воина с маленькой девочкой на руках.

Кто он, этот солдат с девочкой, с мечом в руке, у ног которого валяется разрушенная фашистская свастика? На этот вопрос ответил в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков. Этот талантливый полководец в тяжёлое для нашей Родины время возглавлял оборону Сталинграда. Довелось ему со своими войсками пройти победный путь от берегов Волги до самого Берлина. И случай, о котором он вспоминает, произошёл как раз при взятии этого главного фашистского логова.

Наши солдаты находились уже в четырёхстах метрах от имперской канцелярии, где, как предполагали, находился Гитлер и его подручные. Советские артиллеристы приготовились открыть по ней сокрушительный огонь. Орудия и миномёты наготове. Командиры батарей ждут только сигнала. И вдруг в напряжённой тишине все явственно услышали, что где-то жалобно плачет ребёнок.

— Мути, мути (мама, мама), — звал тоненький детский голосок.

Солдаты замерли... Плач доносился из-под ближнего моста. Долозти туда можно было за несколько минут, но всё пространство впереди простреливалось фашистами. К тому же с минуты на минуту наши артиллеристы должны были открыть ураганный огонь...

— Товарищ командующий! Разрешите мне...

Это обращался Николай Масалов, знаменщик полка, в расположении которого находился наблюдательный пункт Чуйкова.

Командующий без лишних слов понял, о чём хлопочет знаменщик. Конечно, это было очень рискованно — пробираться к мосту. На каждом шагу отважного солдата поджидала смерть. А плач из-под моста не давал покоя сердцу Чуйкова, сердцам всех солдат и офицеров. И медлить нельзя было, — через несколько минут артиллеристы откроют огонь по имперской канцелярии, и тогда уже будет поздно.

— Действуйте, — разрешил Чуйков.

И Масалов по-пластунски пополз к мосту. Наши пулемётчики и автоматчики прикрывали его своим огнём. Смелый знаменщик быстро добрался до цели. Под мостом он увидел маленькую девочку. Как она сюда попала? Некогда расспрашивать!

Девчушка доверчиво прижалась к груди знаменщика. Надо скорей добраться обратно, ведь вот-вот заревут наши орудия. Ведь на главном командном пункте не знают, что происходит под мостом.

Прижимая к себе девочку, Масалов ползёт обратно. Шквал фашистского огня бушует над ним. Он припадает к земле, прикрывая своим телом ребёнка. Ещё каких-нибудь десять метров, и сильные солдатские руки подхватывают знаменщика и девочку и увлекают обоих в безопасное место.

Историю о том, как сибиряк Николай Масалов, рискуя жизнью, спас немецкую девочку, Чуйков рассказал известному советскому скульптору Евгению Вучетичу. Этот рассказ так сильно взволновал ваятеля, что позднее, когда ему было поручено создать памятник в берлинском Трептов-парке, образ солдата с ребёнком на руках сразу же возник перед ним. Таким он и создал один из самых замечательных памятников нашей эпохи.

А теперь познакомимся ещё с одной венгерской маркой. На ней изображён памятник Освобождения, находящийся в Будапеште. Он виден с любой точки венгерской столицы, потому что воздвигнут на горе Геллерт.

У подножия постамента стоит фигура советского солдата со знаменем в руке. Кто этот солдат?

Памятник, о котором идёт речь, создал знаменитый венгерский скульптор Кишфалуди-Штробль. Он начал работать над ним вскоре после окончания войны. Художник искал подходящую модель для будущей фи-

гуры советского воина-освободителя. Наконец ему показался подходящим один солдат. По просьбе скульптора командир части разрешил этому солдату приходить в мастерскую Кишфалуди-Штробля, чтобы позировать.

Ваятель и советский солдат почти всё время молчали. Скульптор не говорил по-русски, а солдат не знал венгерского. Художник запомнил лишь, что солдата звали Василием. Так прошло около двух недель, и вскоре работа в мастерской была закончена. Ваятель поблагодарил солдата, и они расстались.

Солдата вскоре демобилизовали, и он уехал на родину. Тем временем была полностью закончена работа по сооружению памятника Освобождения, и его торжественно открыли. Русский солдат Василий и не знал, что его фигура, отлитая в бронзе, висит на этом памятнике.

Три года назад весь венгерский народ радостно праздновал двадцатилетие своей республики. Незадолго до праздника Кишфалуди-Штробль подумал о том, что хорошо было бы пригласить в Венгрию на народные торжества русского воина-освободителя Василия. Но как его найти?

Начались настойчивые поиски солдата. Его искали журналисты, работники военкоматов. Искали, пока не нашли! Им оказался рабочий Тейковского текстильного комбината Ивановской области Василий Головцов. Когда об этом сообщили венгерским друзьям, сразу же было послано Головцову приглашение приехать на национальные торжества в Венгрию. И вот почти два десятилетия спустя произошла необыкновенно волнующая встреча скульптора Кишфалуди-Штробля с Василием.

Я рассказал вам только о трех зарубежных марках, на которых увековечены советские воины. Но их гораздо больше. Ведь ни один воин в мире не окружён такой любовью народов, как наш советский солдат, принёсший свободу миллионам закабалённых людей.

Э. МИРОНОВ

Летописцы воинской славы

К фотографиям на 2-й странице обложки.

В ночь на 29 июля 1938 года японские войска перешли нашу границу и заняли находящуюся к западу от озера Хасан высоту Безымянную. Буквально через несколько часов наши пограничники и подошедшие им на помощь полевые части выбили захватчиков. Однако японцы не успокоились. Вечером 30 июля после сильного артобстрела превосходящими силами они вновь вторглись на нашу территорию. 1 августа их части заняли высоты Безымянную и Заозёрную. Тогда, подтянув танки и артиллерию, советские войска 6 августа начали штурм высот. К концу дня над озером Хасан реял советский флаг.

В ознаменование этой победы Красной Армии над японскими самураями решено было выпустить специальный нагрудный значок. Этот значок с надписью «Хасан» вы сразу найдёте на обложке журнала. Присмотритесь повнимательней. На вершине сопки, закрывая собой знамя, символизирующее Родину, стоит красноармеец. В левой руке он сжимает винтовку, а правую с гранатой занёс над головой, как бы предупреждая всех, кто осмелится посягнуть на нашу землю.

А вот другой нагрудный «памятник». Надпись на нём и небольшой символический герб в уголке напоминают нам о Смоленском сражении 1941 года. На пушке, обращённой на запад, потому что именно оттуда в течение столетий шли на Россию враги, сидит птица Феникс, сказочная птица, которая, сгорев, всякий раз возрождается из пепла. Таков герб города Смоленска. Сколько раз враги сжигали город, разрушали его дотла, а он стоит и поныне!

Любая коллекция значков об армии не будет полной, если нет в ней главного значка Советской Армии — гвардейского нагрудного знака. Этот значок, так похожий на орден, выделяет в нашей Армии лучших из лучших.

18 сентября 1941 года приказом Верховного Главнокомандующего особо отличившиеся в сентябрьских боях с фашистами 100-я, 127-я, 153-я и 161-я стрелковые дивизии были преобразованы в гвардейские. В эти сентябрьские дни и родилась Советская гвардия. Нагрудный же знак был введён позднее, с 21 мая 1942 года, одновременно с введением особых гвардейских знамён.

О том, как сражались люди, на груди которых сиял знак гвардии, написано много книг, и вы их, наверно, читали. Александр Матросов, Юрий Смирнов, Александр Покрышкин, Наталья Ковшова... — все они были гвардейцами. Расскажем лишь об одном малоизвестном эпизоде Великой Отечественной войны, в котором наши лётчики проявили наиболее характерные для гвардейцев качества.

...Восьмёрка наших истребителей, патрулирующих над военным объектом, только что приняла бой с вражескими самолётами. Четыре «юнкерса» из пятнадцати были сбиты. Остальные удрали. «Ястребки» уже заходили на посадку, когда по радио с земли передали: «Идёт новая волна бомбардировщиков...» Что делать? У наших лётчиков пустые пулемёты: патроны и снаряды израсходованы. Тогда ведущий восьмёрки гвардии капитан Цоколаев

разворачивает свой истребитель и ведёт его в лобовую атаку. То же делают за ним и остальные гвардейцы. Восемь невооружённых краснозвёздных машин стремительно несутся навстречу пятнадцати бомбардировщикам. У каждого из наших асов на перекрестье прицела «юнкерс». Но стрелять нечем. Остаётся одно — таранить. И все восемь сознательно идут на это.

Первым не выдерживает лобовой атаки «ястребков» ведущий фашистской группы. За ним начинают разворачиваться и другие. Развернувшись и как попало сбросив бомбы, чтобы легче было удирать, «юнкерсы» уходят за линию фронта. Налёт отражён... Вот что такое гвардия.

А теперь расскажем о Невской Дубровке. В конце сентября 1942 года, в тяжёлых условиях, на левый берег Невы был высажен десант. Балтийский мичман Яков Чугунов находился в составе десанта. Он командовал шлюпкой, доставлявшей бойцов. У самого вражеского берега шлюпка была разбита, и раненый мичман полтора часа находился в воде под жестоким обстрелом. Выплыл на берег, занятый противником. На берегу лежал, отдышался, недалеко увидел группу залёгших за камнями наших бойцов. У бойцов не было командира, и мичман принял командование на себя. С этими бойцами Чугунов отразил атаку вражеских автоматчиков, уничтожил несколько пулемётных и миномётных расчётов.

27 сентября Яков Чугунов вывез с крошечного «пятачка» на наш берег 60 раненых, а обратным рейсом доставил на «пятачок» 300 ящиков боезапаса. Всё это в темноте, в тумане. Но вот наступил рассвет. Чугунов решил переждать день в блиндаже вместе с ранеными бойцами, чтобы следующей ночью переправить их к своим.

Услышав глухой шум снаружи, Чугунов выглянул из блиндажа и увидел танки. Тогда он схватил две противотанковые гранаты, приказал раненым приготовить несколько связок из найденных в блиндаже немецких гранат. Выполз из блиндажа и пополз навстречу танкам. Когда до танка осталось не больше десяти метров, Чугунов метнул гранату. Танк охватило пламя. Мичман с гранатой в руке пополз дальше. Вот вспыхнул и второй танк.

Метрах в ста позади первых двух шли ещё пять танков, а за ними двигались немецкие автоматчики. Наши раненые бойцы подавали мичману Чугунову связки гранат, а он бросал. И так метко, что вражеские бронированные чудовища — все пять! — были подбиты. Автоматчики, оставшиеся без прикрытия, трусливо повернули.

Так сражались бойцы на Невской Дубровке. Если вы встретите человека с серебристым значком, на котором изображены идущие в атаку солдат и матрос, — знайте: этот человек оттуда. С Невской Дубровки.

А. ЗВЕРИНЦЕВ

Значки сфотографированы в коллекции В. Т. ШУКИНА.

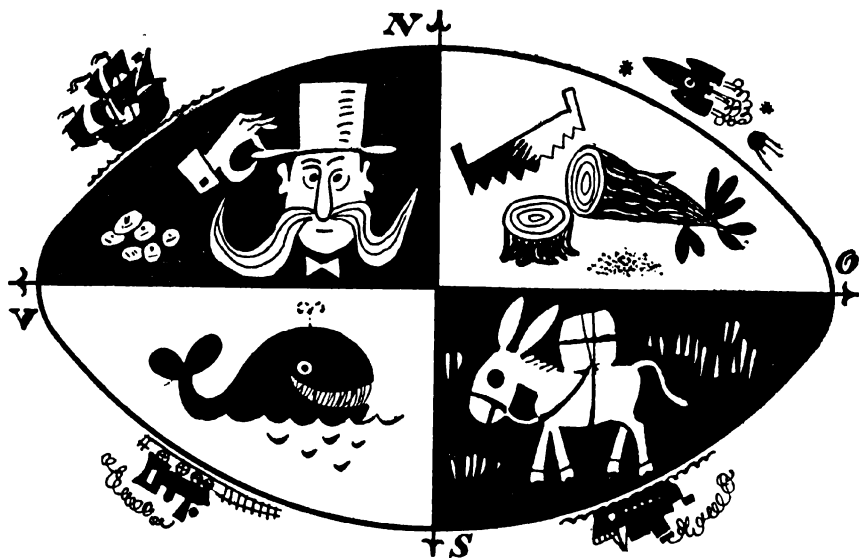
ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

★
...на одном из Маркизских островов в Тихом океане самым большим богатством считаются... усы? Каждый усатый мужчина может жить на острове не работая. Средства к существованию он добывает тем, что, выращивая в течение года усы, затем сбрасывает их и продаёт. Новый хозяин усов должен кормить их владельца в течение целого года.

★
...в Антарктиде были найдены запасы продуктов, принадлежавших экспедициям Шеклтона и Скотта? Мясные консервы, концентраты, какао и даже бутылка пряного соуса из индийского манго пролежали в замороженном виде более 50 лет. Как показал анализ, качество продуктов и даже внешний вид упаковки не изменились. Продукты оказались вполне пригодными к употреблению.

★
...кольца на срезе ствола дерева рассказывают не только о его возрасте? Учёные установили, что кольца деревьев — это своеобразная летопись изменений климата из года в год. По ширине колец можно восстановить климат ушедших столетий в различных местах земного шара.

★
...есть часы... без стрелок? Такие электронные часы созданы в Невшателе

★
...район Ладоги является древнейшей колыбелью жизни на планете? Геологи открыли здесь новые для науки остатки древнейших организмов. Это гидромедузы с примитивным строением и придонные формы простейших водорослей. Возраст их составляет около двух миллиардов лет. Находка геологов в районе Ладожского озера имеет большое значение для палеонтологической науки.

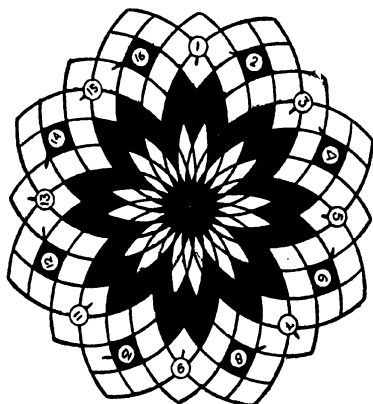
★
...80-тонный кит в погоне за косяком сельдей оказался в лагуне, около Канадского острова Ньюфаундленд, откуда уже не мог выбраться? Канадским властям пришлось выделить 1000 долларов на его пропитание. Кит ежедневно будет получать солидную порцию рыбы — до того времени, пока не найдут способ его транспортировки в открытый океан.

(Швейцария). Часы и минуты выскакивают на их циферблате, как на световом табло. В часах нет и пружины. Их механизм приводится в действие солнечной энергией. Достаточно часам побыть на солнце 22 секунды, и они идут сутки.

★
...в Англии символом глупости считается верблюд? У нас, как известно, этой «чести» удостоено далеко не глупое животное — осёл.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

КРОССВОРД

В этом кроссворде слова четырёхбуквенные и восьмибуквенные. Все они читаются вокруг соответствующей цифры по часовой стрелке, начиная с клетки, отмеченной штрихом.

1. Время, предназначенное для выполнения какого-либо задания.
2. Народный праздник с танцами,

ГОЛОВОЛОМКА

(Составил Юра САВОСТИН)

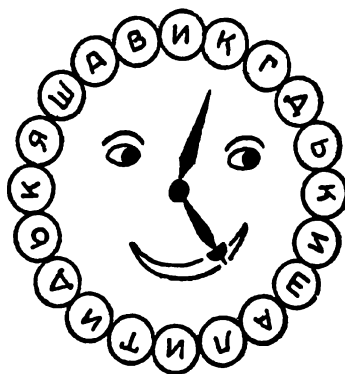
Здесь можно что-то прочесть, но нужен ключ к шифру. А «ключ» — в самом рисунке, и если внимательно посмотреть и немного подумать, то можно догадаться, как читается зашифрованная пословица.

Отдел ведёт В. Аментьев

играми, маскарадом. 3. Украшение из ленты. 4. Опера Дж. Верди. 5. Принадлежность аквалангиста. 6. Болотное или водное растение. 7. Земля, мир. 8. Прибор для проверки горизонтальных направлений. 9. Советский писатель. 10. Металлургическая печь. 11. Хищник из семейства кошачьих. 12. Летательный аппарат, предназначенный для воздухоплавания. 13. Деревянный жилой дом. 14. Небольшое растение, представляющее собою папоротник на одной из стадий своего развития. 15. Отпечаток. 16. Мексиканская широкополая шляпа.

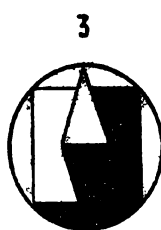
ПЛЕТЁНКА

(Составила Вера ФЕДОРОВА,
г. Пушкин)

На двенадцати полосках написали фамилии писателей, а затем полоски переплели «рогожкой» — так, как показано на рисунке. И некоторые буквы спрятались!..

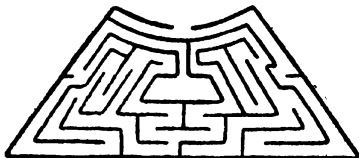
Сумеете ли вы догадаться, какие буквы не видны, и прочесть двенадцать фамилий?

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

выглядеть точно так, как первый его член.

ЛАБИРИНТ

Если идти по этому лабиринту «по правой руке», то есть поворачивая всё время направо, как бы держась за правую стенку, то скоро вы выберетесь обратно. Но одна галерея останется в стороне от вашего маршрута, — в неё вы не попадёте.

Найдите эту укромную галерею.

Содержание

На Отчизну лезла вражья сила... Стихотворение Ивана Демьянова	1
Весть. Рассказ Л. Шестакова	2
«Самоварчик». Рассказ Леонтия Раковского	10
У Невской Дубровки, у стен Ленинграда... Стихотворение В. Верховского	14
Подарочек. Рассказ Сергея Вольфа	15
Снежная страна. Сахалинский посёлок. Перед ледоходом — стихи Е. Руженцева	20
Лодка. Рассказ Владимира Торопыгина	21
Вечный огонь. Стихотворение А. Городницкого	24
Диверсанты. Рассказ В. Чудновского	25
Тимкины крылья. Продолжение повести К. Курбатова	29
Баранья дружба. Сказка Ю. Степанова	51
Самый ничтожный человек. Рассказ Джинно Лупарелли	52
Советский солдат на зарубежных марках. Статья Э. Миронова	54
Летописцы воинской славы. Статья А. Зверинцева	59
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки плакат художника П. Вискова «Нашей армии пятьдесят».

На 2-й странице обложки фото-подборка значков, посвящённых Советской Армии, — «Летописцы воинской славы».

На 3-й странице обложки фото-этиюд Н. Карасёва «Никто не забыт...»

На 4-й странице обложки рисунок художника А. Курушина «Бабушка и внучек».

Редактор

В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23. Фонтанка, 59, комн. 115.

Сдано в набор 25/XII 1967 г. Подписано к печати 13/II 1968 г. 4 печ. л. М-24063 Заказ № 1942. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 68 500 экз. Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Ворчала бабушка на внука:
„Ох, „капитан”, с тобой мне му́ка!“

Но вырос внук её Андрей
И спал хозяином морей.